

Лауреат премии Андерсена

Цао Вэньсюань

Бронза и подсолнух

Цао Вэньсюань
Бронза и Подсолнух

Международная издательская компания «Шанс»

УДК 821.581
ББК 84-44(5Кит)

Вэньсюань Ц.

Бронза и Подсолнух / Ц. Вэньсюань — Международная
издательская компания «Шанс»,

ISBN 978-5-906840-47-9

Это история о чуде, которое способны совершить любовь и дружба. Куйхуа, маленькая девочка из города, приезжает со своим отцом в деревню Дамайди и знакомится с немым мальчиком Цинтуном. Когда ее отец погибает, семья Цинтуна берет Куйхуа к себе. Но в 12 лет Куйхуа приходится вернуться в город, и это – сильный удар для Цинтуна... Книга будет интересна детям среднего школьного возраста.

УДК 821.581
ББК 84-44(5Кит)

ISBN 978-5-906840-47-9

© Вэньсюань Ц.
© Международная издательская
компания «Шанс»

Содержание

Глава I	6
Глава II	17
Глава III	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вэньсюань Цао

Бронза и Подсолнух

© ООО Международная издательская компания «Шанс», 2016

Глава I

Деревянная лодочка

В тот день, когда семилетняя Куйхуа¹ шла к реке, сезон дождей уже закончился. Солнечный свет, которого не было видно долгое время, прозрачным потоком разливался по небу. Облака, до сих пор мрачно нависавшие над землей, внезапно поднялись и заметно посветлели.

Трава, цветы, ветряное колесо, дома, коровы, птицы – все было мокрым. Все в этом мире было пропитано влагой.

Из-за сырости в воздухе Куйхуа вскоре сама промокла с головы до ног. Природа не одарила девочку густыми волосами. Тонкие пряди прилипли к голове, и малышка стала выглядеть еще худощавее; на бледном личике появился румянец.

С травы, которая росла вдоль дороги, свисали бусинки росы, и штаны Куйхуа быстро намокли. На дороге было много слякоти и грязи. Увидев, что ботинки совсем испачкались, девочка сняла их. Взяв в каждую руку по ботинку, она пошла босиком по прохладной грязи.

Когда она проходила под кроной клена, подул ветерок. Бусинки росы полетели с листьев. Несколько капелек упали на шею девочки. Ее плечи непроизвольно поднялись, а сама она втянула шею, съежившись от холода. Куйхуа подняла голову и посмотрела на ветки над головой. Все листья были начисто вымыты долгими дождями и блестели словно зеркало. Красота этого зрелища заставляла сердце девочки радостно петь.

Недалеко протекала река. Журчание воды привлекло внимание девочки.

Она оставила клен и побежала к реке.

Куйхуа почти каждый день приходила туда: на другом берегу реки находилась деревня. У этой деревни было очень красивое название – Дамайди.

На берегу, где жила Куйхуа, других детей не было.

Девочке было одиноко. Ее одиночество было подобно тому, которое испытывает птица на бескрайних просторах неба, долго не видевшая своих сородичей. Одиноко парит она в небе и лишь завидев вдаль крылья, рассекающие воздух, издает радостный крик. Небо – это необъятные и бескрайние просторы, по которым плавают облака. Иногда небо гладкое, без единого «шрама», и выглядит как шлифованный сланец. Птица обычно молчит, но когда тоска становится невыносима, начинает кричать, и эти несчастные крики говорят о бескрайности неба, наполняя сердце птицы чувством безысходности.

Берег рядом с водой зарос тростником.

Весной того года стаю белых цапель что-то напугало. Цапли вылетели из дремлющего в тишине тростника, покружили над ним и долетели до деревни Дамайди. Они кричали так, словно хотели что-то сказать жителям деревни. Больше они не возвращались в тростник: там появились люди.

Прибывшие явно отличались от жителей Дамайди. Это были горожане. В этих краях им нужно было строить дома, осваивать землю, копать водоемы и разводить рыбу. Они пели особые, городские песни, ясно и громко. Жители Дамайди внимательно прислушивались, наслаждаясь пением.

Прошло несколько месяцев, и на месте тростниковых зарослей появились новые дома из серого кирпича с красной крышей – целых восемь рядов.

Вскоре горожане установили высокий флагшток. Ранним утром красный флаг поднялся в небо. Он как огненный шар горел над остатками тростника.

---

¹ Имя девочки переводится с китайского как «Подсолнух».

Горожане практически не общались с местными жителями. Они были похожи на стаю птиц, которые прилетели сюда из далеких краев. Горожане с любопытством смотрели на жителей Дамайди, а жители Дамайди, в свою очередь, с любопытством смотрели на горожан.

Приезжие сильно отличались от жителей деревни укладом жизни и речью. Днем они работали, а по вечерам устраивали собрания. Глубокой ночью жители Дамайди все еще видели вдали свет их ламп. Вокруг была крошечная темнота, а этот свет был ярким и напоминал таинственные огни рыболовных джонок.

Это был практически самостоятельный мир. Вскоре жители Дамайди прозвали его «школой кадровых работников». Это название быстро вошло в обиход. Например, люди говорили: «Ваши утки уплыли к школе кадровых работников, ваши коровы съели посевы школы кадровых работников, рыбы в водоемах школы кадровых работников уже весят по полкилограмма, сегодня вечером школа кадровых работников показывает фильм...»

Люди, живущие в школе, приехали из различных городов. Некоторые города находились очень далеко от здешних мест. Но не все из приезжих были кадровыми работниками. Среди них также были, например, писатели и деятели искусства. Все они приехали ради занятия физическим трудом.

Жители Дамайди называли такие школы «ганьсяо»². Никто не понимал, зачем они здесь нужны. Впрочем, никто и не хотел этого знать. Приезд этих людей не создал никаких проблем жителям Дамайди, а, наоборот, сделал их жизнь интересней. Люди из «ганьсяо» иногда приходили в деревню. Когда деревенские дети замечали их, то подбегали ближе, посмотреть. Ребяшки или стояли в переулке с глупым видом и глазели, или следовали за людьми из «ганьсяо» по пятам. Иногда эти люди оборачивались и смеялись. Тогда дети быстро прятались за деревьями или стогами сена. Люди из «ганьсяо» считали, что дети из деревни Дамайди очень забавны. Они махали детям руками и подзывали к себе. Тот, кто был посмелее, выходил из своего укромного места и подходил к горожанам. Те протягивали руку и гладили смельчака по голове. Иногда горожане вытаскивали из кармана конфеты в красивой обертке и угощали детей. Дети съедали сладости, но не могли расстаться с оберткой и выбросить ее. Они разглаживали фантики и вкладывали в учебники. Люди из школы кадровых работников иногда покупали в деревне Дамайди фрукты, овощи, соленые яйца и другие продукты. Жители деревни, в свою очередь, ходили к реке прогуляться и посмотреть, как горожане разводят рыбу. Дамайди повсюду окружала вода, а если есть вода, то есть и рыба. Поэтому рыбы деревенским жителям хватало. Им и в голову не приходило, что можно ее разводить. Да они и не умели это делать. Но горожане рыбу разводили. Сначала рыбам делали какую-то инъекцию, и они начинали плавать беспокойно и быстро. Самки и самцы сплетались, в водоемах кипела жизнь. Дождавшись, когда они успокоятся, люди из школы кадровых работников вылавливали сетью самок. Их животы к тому времени уже были круглыми, так как в них была икра. Горожане легко проводили рукой по ним. Когда животы самок сильно надувались и становились выпученным, люди аккуратно выдавливали из них икру. Эта икра помещалась в большой сосуд. Сначала прозрачные белые икринки беспорядочно ворочались, а потом темнели и становились черными. Спустя несколько дней из икринок появлялись мальки. Каждый раз разведение рыбы становилось увлекательным зрелищем для молодых и пожилых жителей деревни Дамайди.

Деревенским жителям горожане казались волшебниками и, конечно, жители Дамайди интересовались ими. Одной из причин этого интереса была девочка, которая жила вместе с горожанами.

Все знали ее имя. Куйхуа.

---

² Ганьсяо – «школа кадровых работников», трудовые лагеря для перевоспитания интеллигентов и кадровых работников.

* * *

Это имя было деревенским. Дети из деревни Дамайди не понимали, почему городской девочке дали деревенское имя.

Куйхуа была опрятной и воспитанной девочкой, но слишком худой. У нее не было матери. Ее мать умерла два года назад из-за болезни. Отец должен был отправиться в школу кадровых работников, поэтому он был вынужден взять девочку с собой и вместе с ней переехать в район деревни Дамайди. Кроме отца, у нее не было других родственников, так как ее родители были сиротами. Куда бы ни поехал отец, он всегда брал Куйхуа с собой.

Куйхуа была еще маленькой. Она не могла и представить себе, какая судьба ждет ее и что свяжет ее с деревней Дамайди, которая располагалась на противоположном берегу.

Новая жизнь была полна новых впечатлений.

... Камышовое болото было огромным. Казалось, оно заняло весь мир.

Маленькая Куйхуа не могла увидеть то, что располагалось вдали. Она протягивала ручки к отцу и просилась к нему на руки. Отец нагибался к ней, брал на руки, высоко-высоко поднимал свою дочь и спрашивал:

– Смотри, видишь горизонт?

Уже наступило лето. У камыша выросли длинные зеленые листья, похожие на мечи. Отец когда-то брал дочь с собой посмотреть на настоящее море. Сейчас она увидела совсем другое. Это было море с зелеными волнами. Возле этого моря можно было вдыхать особый свежий аромат. В городе она ела цзунцзы³, завернутые в тростниковый лист. Она помнила их запах. Но аромат был слабым и не мог сравниться с тем, что она чувствовала сейчас. Она глубоко вдыхала влажный ароматный воздух, который словно обнимал ее.

– Видишь горизонт?

Девочка отрицательно качала головой.

Подул ветер. Камышовое болото словно превратилось в поле боя. Казалось, что многочисленные воины, размахивая зелеными саблями, сражались друг с другом. Повсюду раздавался скрежет «железа».

Стая птиц резко взлетела в небо.

Куйхуа испугалась и обеими руками крепко обняла шею отца.

Огромное камышовое болото одновременно и притягивало Куйхуа, и заставляло испытывать неопишуемый страх. Она всегда следовала за отцом – боялась, что тростник съест ее. Особенно это проявлялось в ветреные дни, когда камыши устремлялись к горизонту, а через некоторое время вновь возвращали свои головки к школе кадровых работников. Девочка в такие моменты крепко сжимала руку отца или его одежду. Черные глаза Куйхуа были исполнены волнения.

Отец не мог всегда быть рядом с ней. Он приехал сюда, чтобы работать, заниматься физическим трудом. Отец должен был косить тростник и вместе с другими людьми превращать земли в плодородные поля, места для создания прудов и разведения рыбы. На рассвете в районе камышового болота раздавался сигнал подъема. Куйхуа еще спала. Отец знал, что когда она проснется и не увидит рядом его, то непременно испугается и заплачет. Но он не хотел ее будить. Огрубевшей от тяжелого труда рукой он легко гладил ее мягкую и теплую щеку, а после, взяв инструменты и тяжело вздохнув, уходил, тихо закрывая за собою дверь. Он встречал туманный рассвет, думая о своей дочери, и вместе с другими работниками шел к площадке. Вечером, когда работа подходила к концу, солнце наполняло камышовое болото своим светом. Весь день Куйхуа гуляла одна. Она ходила к водоему смотреть на рыб, заглядывала в столовую

---

³ Цзунцзы – блюдо из клейкого риса, обернутого тростниковыми, бамбуковыми или пальмовыми листьями.

понаблюдать за тем, как повар готовит еду, бродила от одного ряда домов к другому. Большинство дверей были заперты, но иногда она видела открытые. Это происходило по нескольким причинам. Во-первых, некоторые работники могли заболеть, а во-вторых, место работы некоторых людей находилось во дворе школы кадровых работников. Куйхуа иногда подходила к окнам и заглядывала внутрь. Из дома мог раздаться слабый, но знакомый голос: «Куйхуа, входи».

Куйхуа отрицательно качала головой. Постояв так немного, она уходила в другое место.

Некоторые люди видели, как Куйхуа часто разговаривала с золотистыми хризантемами, с воронами, сидящими на деревьях, с красивыми божьими коровками...

Вечером при тусклом свете лампы, когда отец наконец-то был рядом с дочерью, его сердце наполнялось ноющей болью. После ужина отец зачастую был вынужден оставлять дочь одну дома. Ему нужно было идти на собрание. Куйхуа не понимала, почему взрослые после сложного рабочего дня должны еще куда-то ходить. Если отец никуда не уходил, то он мог лечь спать вместе с дочерью, позволить ей уснуть на его руке, рассказать сказку на ночь. На улице либо царил безмолвная тишина, либо только ветер колыхал камыш, шурша его стеблями. Когда отец отсутствовал целый день, Куйхуа при встрече не сдерживала эмоций и прижималась к нему. Отец иногда крепко обнимал Куйхуа, что доставляло ей огромное удовольствие. Лампа гасла, а отец с дочерью разговаривали. Это было самым прекрасным временем для них после разлуки в течение целого дня.

Тем не менее через некоторое время усталость тяжелым камнем сваливалась на отца. Он невнятно произносил пару фраз и в конце концов начинал храпеть. Но Куйхуа еще ждала, чтобы отец продолжил рассказывать сказку. Она была понимающей девочкой, поэтому не злилась на него. Куйхуа, закрывая глаза, тихо ложилась на плечо отца, вдыхала его запах и ждала, пока сон достигнет ее. Ожидая прихода феи сна, она протягивала свою маленькую ручку к отцу и поглаживала его небритое лицо.

Вдали лаяли собаки. Их лай, казалось, доносился из деревни Дамайди, которая располагалась на противоположном берегу реки. В то же время он будто доносился из далекого поселка Юмади или из еще более отдаленного – Даосянду.

Так и проходила их жизнь.

* * *

Берег реки стал для Куйхуа излюбленным местом для прогулок.

Большую часть дня Куйхуа наблюдала за большой деревней Дамайди, которая располагалась на противоположном берегу. Повсюду вокруг деревни рос камыш.

Дым от приготовления пищи, мычание коров, лай собак, песни во время коллективных трудоемких работ – все это обладало для Куйхуа особой притягательной силой. Особенно ее привлекали силуэты детей и их радостные крики.

Для Куйхуа это был радостный мир без одиночества.

Протекавшая рядом с Дамайди река была очень длинной. Никто не мог увидеть ее конца. Никто не знал, откуда она берет свое начало и куда впадает. Ее вода отличалась особой чистотой. На берегах рос камыш. Река текла с запада на восток. Журчание воды и шелест камыша были похожи на нескончаемую болтовню. Вода обнимала стебли камыша, устанавливая с ними особенно близкие отношения. Но в конце концов одни потоки воды утекали, а другие вновь начинали знакомство с камышом. И это повторялось вновь и вновь. Камыш колыхался от разговоров с водными потоками. Вода щекотала дрожащие от каждого прикосновения листья камыша. Так вода и камыши веселили друг друга каждый день.

Куйхуа нравилась эта река. Она наблюдала за ней, разглядывая ее потоки, зыбь и гребешки волн. Куйхуа видела, как она уносит уток или охапку листьев по волнам, как разных

размеров судна переплывают реку, наблюдала, как дневной солнечный свет окрашивает реку в золотистый цвет, смотрела, как вечерний закат изменяет цвет воды и превращает ее в малиновый сироп, как бесчисленные капли дождя падают на поверхность реки, расплескивая на ней серебристые водяные цветы, как рыбы выпрыгивают из зеленых волн реки, рисуют на синем небе красивые дуги и возвращаются в воду...

Куйхуа сидела под кроной старого дерева у реки и всматривалась в даль.

Проплывающие на лодках люди видели маленькую девочку, которая сидела на таком длинном берегу. У них появлялась мысль о том, что небо и земля стали слишком большими, а между небом и землей стало пусто...

Куйхуа подошла к берегу реки.

Деревня Дамайди была похожа на огромный корабль, который причалил к зарослям камыша на противоположном берегу.

Куйхуа увидела высокие стога. Они были похожи на холмы. На западе и востоке располагалось по одному стogu. Девочка разглядела там мелию. На ней как раз распустились небольшие бледно-голубые цветы. Отдельных цветов не было видно, и все дерево было покрыто бледно-голубой вуалью, которая словно облако нависала над кроной. Куйхуа увидела молочно-белый дым из кухонных печей, который валил из домов на западе и на востоке. Этот густой и прозрачный дым разлетался по небесному пространству и постепенно таял над камышовым болотом.

Собаки бегали по улицам деревни.

Петух взлетел на тутовник и закукарекал.

Повсюду был слышен смех детей.

Куйхуа хотела увидеть Дамайди.

К старому вязу была привязана маленькая лодка. Когда Куйхуа подошла к реке, сразу заметила ее.

Лодочка слегка покачивалась на воде, словно хотела обратить на себя внимание.

Куйхуа больше не смотрела на реку и Дамайди. Ее внимание привлекла эта маленькая лодка. У нее появилась идея, которая словно травинка выросла на влажной земле. Идея заключалась в следующем: нужно сесть в лодку и поехать в деревню Дамайди!

Девочке было страшно, но ей так хотелось переплыть реку!

Куйхуа обернулась, чтобы посмотреть на далеко оставленную позади школу кадровых работников, а после осторожно и радостно пошла к лодке.

Рядом с лодкой не было причала, а был только обрывистый склон дамбы. Куйхуа не знала, повернуться лицом к реке или к склону дамбы, уходящей в воду. Девочка колебалась некоторое время, а потом повернулась к склону. Она ухватила руками за траву на берегу, пытаясь обеими ногами ступить на склон. На нем тоже росла трава. Она подумала, что сможет, держась за траву, понемногу доскользить до берега. Ее движения были медленными, но у нее получалось спускаться вниз. Через некоторое время ее голова была ниже уровня берега.

В это время по реке проплывал корабль, идущий вверх по течению. Люди на корабле увидели девочку, спускающуюся по склону дамбы, и немного забеспокоились. Но они только смотрели на нее издали и медленно плыли дальше.

Куйхуа доскользила до середины склона. К этому моменту она вся вспотела. Под ее ногами журчал водный поток. Девочка испугалась. Маленькие ручки намертво вцепились в траву на склоне.

К девочке подплыло парусное судно. Рулевой увидел ребенка, который, словно ящерка, приклеился к поверхности склона дамбы. Он не выдержал и крикнул в полный голос:

– Ты из какой семьи?

Не дождавшись ответа, он немного подумал и не стал кричать второй раз, чтобы не перепугать девочку. Рулевой корабля с тревогой смотрел на нее до тех пор, пока не скрылся из виду. Но его сердце все равно продолжало беспокоиться о ребенке.

Буйвол, который разгуливал на противоположном берегу реки, издал мычание, похожее на сирену на городском заводе.

Как раз в этот момент земля под ногами Куйхуа стала скользкой, и девочка быстро съезжала вниз. Обеими руками она старалась уцепиться за траву. Но трава росла на рыхлом слое почвы, поэтому Куйхуа просто вырвала ее. Она закрыла глаза, и ее сердце наполнилось страхом.

Но вскоре Куйхуа почувствовала, что она перестала двигаться. Ее нога уперлась в карликовое дерево, росшее на склоне. Она пролежала ничком на склоне дамбы полдня, боясь пошевелиться. Звук воды под ее ногами значительно усилился. Она подняла голову и увидела, что берег находился далеко над ней. Девочка не знала, что ей делать: подниматься вверх или продолжать скользить вниз. В тот момент она только хотела, чтобы кто-то появился и помог ей. И лучше всего, чтобы это был ее отец. Куйхуа опустила лицо в траву и замерла. Она думала об отце.

Солнце поднялось совсем высоко и стало припекать девочке спину.

Подул легкий ветерок. Его свист раздался в ее ушах, словно журчание водного потока.

Куйхуа начала петь. Она узнала эту песню от девочек у реки. Однажды она сидела на берегу и слышала, как девочки пели в зарослях камыша напротив нее. Ей понравилась их песня. Она захотела встретиться с ними, но не смогла этого сделать. Заросли камыша стали преградой между ними. Куйхуа иногда видела, как их силуэты мелькали в просветах. Она видела, как мелькали их красные или зеленые платья. Похоже, что эти девочки срезали листья камыша. Вскоре она выучила их песню. Куйхуа находилась по одну сторону камышей, а девочки – по другую, но она все равно пела вместе с ними.

Куйхуа вновь запела. Ее голос дрожал от не уверенности:

*Цзунцзы благоухают,
Аромат заполнил кухню.
Листья полыни благоухают,
Аромат заполнил весь дом.
Ветки персикового дерева – в двери,
Выйдешь и увидишь, как желтеет пшеница.
И здесь – Праздник начала лета,
И там – Праздник начала лета...*

Ее голос был еле слышен, – он приглушался сырой землей.

Куйхуа все еще хотела сесть на лодку и поплыть в Дамайди. Она вновь попробовала соскользнуть вниз. Вскоре обе ее ноги ступили на рыхлую речную отмель. Девочка сделала несколько шагов вперед, и ее ноги оказались в воде. Поток холодного воздуха тут же окутал все тело. Она непроизвольно высунула язык.

Маленькая лодка ритмично покачивалась на волнах.

Куйхуа забралась в лодку. Девочка больше не торопилась в деревню Дамайди, а хотела посидеть в лодочке. Как хорошо! Она сидела на поперечной балке трюма и покачивалась на волнах. Ее сердце наполнилось счастьем.

Деревня звала ее. Она всю жизнь будет ее звать.

Девочке нужно было поплыть в Дамайди, управляя этой маленькой лодкой. И только тогда она обнаружила, что на лодке не было ни длинной бамбуковой жерди для управления, ни весел. Она невольно подняла голову и посмотрела на швартов. Он был крепко привязан к старому вязу. Девочка тяжело вздохнула. Если бы швартов не был привязан, неизвестно, куда бы уплыла лодочка!

Сегодня не получится поплыть в Дамайди. Куйхуа с сожалением смотрела на противоположный берег и на пустую лодку. Она могла только сидеть на лодке, смотреть на дым от приготовления пищи в небе над деревней Дамайди и слушать доносившийся из переулков деревни галдеж детей.

В один прекрасный момент Куйхуа показалось, что лодка дрейфует. Она испугалась, подняла голову и увидела, что узел швартового троса развязался, а лодка уже далеко от берега.

Девочка взволнованно добежала до хвостовой части лодки и схватила швартовый трос. Осознав бессмысленность своих движений, она отпустила трос, и он вновь погрузился в воду. Вскоре он превратился в длинный и тонкий хвост лодки.

В этот момент Куйхуа увидела мальчика, который стоял на берегу.

Одиннадцатилетний мальчик зло улыбался Куйхуа. Позже она узнала, что его зовут Гаюй.

Гаюй был жителем деревни Дамайди. Его семья из поколения в поколение выращивала уток.

Куйхуа увидела, как стая уток, словно прилив, пробивалась из зарослей камыша к ногам Гаюя, хлопая крыльями и громко крикая. До чего же стало шумно!

Девочка хотела спросить, зачем он развязал узел троса. Но она не произнесла ни слова. Ей осталось только беспомощно смотреть на него.

Ее взгляд не получил сочувствия: наоборот, мальчик все радостней смеялся над ней. Его утки, ковыляя и спотыкаясь, спустились по склону дамбы к воде. Одна умная утка, хлопая крыльями, села на воду, и по воде пошли круги.

Маленькая лодка боком дрейфовала по поверхности воды.

Куйхуа заплакала, глядя на Гаюя. Мальчик стоял, скрестив ноги и положив руки, сцепленные замком, на конец рукоятки лопаты для выпаса уток. Гаюй поставил подбородок на тыльную сторону ладоней и, облизывая сухие губы, безразлично смотрел на маленькую лодку и Куйхуа.

Сердце уток Гаюя, напротив, было добрым. Они быстро поплыли к маленькой лодке.

Гаюй увидел это и выкопал комок грязи. Мальчик обеими руками схватил ручку лопаты, размахнулся и со всей силы метнул грязь в воду перед самой первой уткой. Птица испугалась, поспешила развернуться и, хлопая крыльями и крикая от испуга, поплыла в противоположном направлении. Утки, которые следовали за ней, тоже повернулись и поплыли назад.

Куйхуа посмотрела по сторонам. Вокруг не было ни души. Девочка заплакала.

Гаюй развернулся, вошел в заросли камыша и вытащил длинную бамбуковую жердь лодочника. Эту жердь, вероятно, спрятал хозяин лодки, опасаясь, что ее могут угнать. Гаюй устремился к лодке и сделал вид, как будто бросает жердь Куйхуа.

Глаза Куйхуа, полные слез, потускнели. Она взволнованно посмотрела на Гаюя.

Гаюй соскользнул с берега на речную отмель. Мальчик вошел в воду, положил жердь на поверхность воды, а потом легонько толкнул ее вперед.

Другой конец жерди практически столкнулся с бортом маленькой лодки.

Куйхуа увидела это, легла на борт и протянула руку, чтобы достать жердь.

Когда рука девочки должна была уже схватить жердь, Гаюй улыбнулся и потянул жердь обратно.

Куйхуа пустыми глазами смотрела на Гаюя, а вода капала с кончиков ее пальцев.

Гаюй притворился, что собирается передать жердь в руки Куйхуа. Неся эту жердь, он следовал за лодкой по мелководью.

Гаюй выбрал подходящее расстояние и вновь толкнул палку к маленькой лодке.

Куйхуа легла на борт лодки и вновь протянула руку к жерди.

И еще несколько раз, когда Куйхуа почти доставала до жерди, Гаюй тянул жердь к себе. Он оттаскивал ее тихонько, только чтобы Куйхуа не могла достать ее. Когда Куйхуа больше не

хватала жердь, Гаюй продолжал подталкивать ее так, чтобы она концом практически доставала лодку. Куйхуа все это время плакала.

Гаюй сделал вид, будто искренне хочет помочь Куйхуа.

Куйхуа вновь поверила ему. Когда девочка увидела, что жердь рядом с лодкой, она максимально наклонилась и попыталась схватить ее.

Гаюй резко отдернул жердь. Девочка чуть не упала в воду.

Мальчик смотрел на Куйхуа, над которой он куражился, и громко хохотал.

Куйхуа плакала.

Когда Гаюй понял, что утки уже далеко уплыли, он вытащил жердь лодочника. После этого он воткнул один конец жерди в речную отмель, наступил на склон дамбы и быстро поднялся на берег. Мальчик последний раз посмотрел на Куйхуа, поднял жердь и вновь выбросил ее в заросли камыша. Он, не оборачиваясь, последовал к своей стае уток...

* * *

Маленькая лодка пересекала реку, дрейфуя на восток.

Старый вяз казался девочке все меньше и меньше. Дома с красной черепичной крышей постепенно исчезали за густыми зарослями камышей. Постепенно страх девочки исчез, но она по-прежнему тихо плакала. Перед ее глазами был тусклый зеленый цвет, который был похож на воду, пролившуюся с небес.

Водная поверхность внезапно расширилась, а дым стал более густым.

Куйхуа думала, сколько ей еще придется дрейфовать.

Иногда мимо проплывали корабли. Куйхуа замирала, но не вставала, чтобы помахать людям или позвать их, а продолжала сидеть. Она слегка махала рукой в знак отказа от помощи. Люди думали, что ребенок играет, и не особо обращали на нее внимание. Они продолжали свой путь.

Куйхуа, вся в слезах, тихо звала отца на помощь.

Белая птица выпорхнула из зарослей камыша и прилетела к водной поверхности. Она словно почувствовала что-то и на небольшой высоте медленно кружила неподалеку от лодки.

Куйхуа увидела два ее длинных крыла, легкий пух на груди, который вздымался от ветра на реке, тонкую и длинную шею, золотисто-желтый клюв и красные когти.

Время от времени птица наклоняла голову и смотрела своими коричневыми глазами на Куйхуа.

Лодка дрейфовала, а птица летела рядом. Между небом и землей царили тишина и одиночество.

Птица в конце концов села на нос судна. Это была огромная птица с длинными лапами, выглядевшая весьма гордо.

Куйхуа перестала плакать и смотрела на птицу. Девочка не только не удивилась ей, но и улыбнулась, будто уже давно была с ней знакома. Куйхуа и птица молча смотрели друг на друга. Был слышен только звук течения реки.

Птице нужно было спешить. Она не могла навсегда остаться с девочкой. Птица вежливо кивнула, взмахнула крыльями и, наклонив тело, улетела на юг.

После того, как Куйхуа проводила птицу взглядом, она повернулась и посмотрела на восток. Перед ней была широкая река. Слезы подступили к глазам, и девочка вновь расплакалась.

Неподалеку на травянистой отмели мальчик пас буйвола. Буйвол щипал траву, а мальчик косил. Вдруг он увидел лодку и остановился. Мальчик, держа в руке серп, стоял в зарослях и смотрел вдаль.

Куйхуа увидела буйвола и мальчика. Несмотря на то, что она еще не могла рассмотреть лицо незнакомца, ее сердце почувствовало родственную связь, и в нем затаилась надежда на спасение. Она встала и молча смотрела на него.

Речной бриз шевелил растрепанные черные волосы на голове мальчика. Его умные глаза сверкали через время от времени падавшие на них волосы. Когда маленькая лодка приблизилась к мальчику, он тоже почувствовал волнение в сердце.

Длиннорогий буйвол перестал щипать траву и вместе со своим хозяином стал смотреть на маленькую лодку и девочку.

Когда мальчик первый раз посмотрел на лодочку, то сразу понял, что случилось с девочкой, которая сидела в ней. Мальчик медленно пошел вслед за лодкой по берегу, потянув за собой буйвола.

Куйхуа больше не всхлипывала. Следы от слез высохли. Она чувствовала, что лицо стало припухшим и натянутым.

Мальчик схватился за длинную шерсть на спине буйвола, подпрыгнул и тут же оказался на спине животного. Он смотрел сверху вниз на реку, маленькую лодку и девочку, а она только снизу вверх могла смотреть на него. В этот момент мальчик особенно выделялся на фоне голубого неба. Белые облака плыли позади него. Она не видела его глаз, но думала, что они очень яркие и похожи на звезды.

Куйхуа верила, что этот мальчик обязательно ее спасет. Она не звала его на помощь и не махала ему руками, только стояла в лодке и смотрела жалобным взглядом.

Мальчик со всей силой хлопнул рукой по задней части буйвола, и тот послушно вошел в воду.

Куйхуа смотрела, как буйвол и мальчик понемногу спускались в реку. Вскоре тело буйвола полностью погрузилось в воду. На поверхности были видны только его уши, нос, глаза и хребет. Мальчик, схватив поводья, уверенно сидел на спине буйвола.

Расстояние между лодкой и буйволом становилось все меньше. Мальчик и девочка приближались друг к другу.

Глаза мальчика были удивительно большими и яркими. Куйхуа на всю жизнь запомнила этот взгляд.

Когда буйвол приблизился к маленькой лодке, он похлопал большими ушами, расплескав вокруг воду и обрызгав лицо Куйхуа. Она тут же зажмурилась и закрыла лицо руками. Когда девочка открыла глаза, мальчик верхом на буйволе добрался до кормы лодки, наклонился вперед и ловко схватился за швартовый конец.

Лодка слегка задрожала и перестала дрейфовать.

Мальчик привязал швартовый конец к рогам буйвола, обернулся и посмотрел на Куйхуа. Он подал ей знак, чтобы она держалась за борта лодки, а после слегка похлопал несколько раз по голове буйвола. Буйвол пошел вперед, потянув за собой лодку к берегу.

Куйхуа смирно сидела на поперечине лодки. Она видела только спину мальчика и его круглый и ровный затылок. Спина мальчика была прямой и выглядела очень сильной.

Вода стекала с обеих сторон головы буйвола на спину, далее разделялась бедрами мальчика, а позади вновь сливалась в единый поток, скользила по задней части буйвола и, булькая, слегка ударялась о борта лодки.

Буйвол двигался с равномерной скоростью, постепенно приближаясь к старому вязу.

Куйхуа уже больше ничего не боялась. Она сидела в лодке и восторженно смотрела на речной пейзаж.

Солнце освещало реку, и вода сверкала в его лучах. Блеск то появлялся, то исчезал вместе с волнами. Камыши на берегах то освещались солнцем, то прятались в тени облаков. Большие и маленькие, далекие и близкие облака иногда полностью закрывали солнце. На какое-то время небо становилось темным. В один миг исчезало сверкание на реке. Но облака не

могли долгое время сдерживать солнце в своих оковах. Солнце вновь появлялось, и его лучи еще сильнее слепили глаза, не давая им полностью открыться. Некоторые облака наплывали на солнце только с одного бока. Тогда одна сторона зарослей камыша становилась темно-зеленой, а другая – светло-зеленой. Отдаленные места камышового болота становились темными и мрачными. Облака, солнечные лучи, вода и камыши постоянно изменялись. Их волшебные изменения привлекали внимание Куйхуа.

Промычал буйвол, и Куйхуа только тогда вспомнила, где она находится и что с ней происходит.

К детям подплыл длинный камыш с метелкой семян. Мальчик повернулся, схватил его и удерживал в руке. Эта метелка семян сначала была похожа на большую кисть, которая устремлялась в небо, но вскоре она была обдута ветром и стала более растрепанной. Солнце освещало ее, и она сверкала серебристым светом. Мальчик все время держал камыш в руках, словно флаг.

Когда дети приблизились к старому вязу, перед ними появился Гаюй со своими утками. Он на специальной лодке для выпаса уток скользил по воде. Увидев буйвола и маленькую лодку, он рассмеялся. Его смех вырывался из глотки, словно крик селеня. После этого он лег на бок в трюме, поднял голову и молча смотрел на лодку, буйвола, мальчика и девочку.

Мальчик не смотрел на Гаюя, а лишь крепко сидел на спине у буйвола, гнал его вперед и тянул за собой лодку, приближая ее к старому вязу.

Под кроной вяза стоял отец Куйхуа. Он с тревогой смотрел вдаль.

Мальчик, стоя на хребте у буйвола, привязал маленькую лодку к старому вязу. После этого он спустился с хребта животного, схватил рукой борт лодки и удерживал ее на берегу.

Куйхуа вышла на берег и стала карабкаться по скату берега реки. Отец нагнулся и протянул к ней руки.

На склоне дамбы везде была рыхлая земля, и какое-то время Куйхуа тщетно карабкалась. Мальчик подошел к ней и, поддерживая девочку сзади двумя руками, с силой подтолкнул вверх. Ее маленькие ручки дотянулись до рук отца. Он потянул ее к себе, и Куйхуа взобралась на дамбу.

Куйхуа, схватив руку отца, обернулась назад и посмотрела на мальчика, на буйвола и лодку. Она заплакала, и ее слезы покатились по щекам.

Отец сел на корточки, обнял дочь и слегка похлопал ее по спине. В этот момент он увидел, как мальчик поднял лицо. По неизвестной причине его сердце екнуло, а рука, которая похлопывала спину дочери, перестала двигаться.

Мальчик повернулся и пошел к своему буйволу.

– Дитя мое, как тебя зовут? – спросил мальчика отец Куйхуа.

Мальчик повернул голову, чтобы посмотреть на Куйхуа и ее отца, но ничего не сказал.

– Как тебя зовут? – повторил отец.

Почему-то лицо мальчика внезапно покраснело, и он опустил голову.

Гаюй, который пас уток, громко сказал:

– Его зовут Цинтун⁴. Он не умеет говорить. Он немой.

Мальчик сел на буйвола и вновь загнал его в воду.

Куйхуа и отец провожали его взглядом.

По дороге в школу кадровых работников отец Куйхуа все время о чем-то думал. Когда они подходили к школе, он взял дочь за руку и поспешно вернулся к берегу реки. Мальчик и его буйвол давно уже пропали из вида. Гаюй и его стая уток тоже бесследно исчезли. Перед ними предстала опустевшая река.

Вечером отец погасил свет и спросил у своей дочери:

---

⁴ Имя мальчика переводится как «Бронза».

– Почему этот ребенок так похож на твоего старшего брата?

Куйхуа вспомнила, как отец когда-то упоминал о том, что у нее был старший брат. Когда ему было три года, он умер от менингита. Она никогда не видела его. После того, как отец сказал, что этот мальчик похож ее на старшего брата, которого уже не было на этом свете, ее голова уже была на плече отца, а глаза еще долгое время были открыты в темноте.

Издали доносились шум реки и лай собак в деревне Дамайди...

Глава II

Подсолнухи

Цинтуну исполнилось пять лет. Однажды ночью, когда мальчик крепко спал, мать внезапно схватила его на руки и убежала из дома. Он почувствовал, что стал трястись в объятиях матери, и услышал ее учащенное дыхание. На дворе стояла глубокая осень, дул прохладный ветер, и мальчик полностью проснулся.

Повсюду были слышны крики ужаса.

Цинтун увидел, что небо было красным. Оно было будто наполнено лучами догоравшей вечерней зари.

Повсюду бешено лаяли встревоженные собаки. Жалобные крики и топот ног смешались, нарушив спокойствие осенней ночи. Кто-то кричал хриплым голосом: «Камышовое болото загорелось! Камышовое болото загорелось!»

Люди выбегали из своих домов и бежали к реке. Взрослые держали на руках маленьких детей. Подростки вели за руку младших братьев и сестер. Молодые люди поддерживали или несли на спине стариков. Все, ковыляя и спотыкаясь, шли по дороге.

Когда мать с Цинтуном убежала за пределы Дамайди, мальчик увидел страшный пожар. Огромное количество красных злых языков с ревом и визгом, обгоняя друг друга, яростно бросались на деревню Дамайди. Ребенок, увидев эту картину, тут же прижался к груди матери. Мать почувствовала, что Цинтун дрожал в ее объятиях. Она бежала и рукой похлопывала сына по спине, приговаривая: «Дитя мое, не бойся! Дитя мое, не бойся...»

Все маленькие дети плакали.

Хозяин не успел отвязать буйволов от столбов. Животные, увидев пожар, изо всех сил дергались и боролись за свою жизнь: вырывали столбы, к которым были привязаны, вырывали поводья из носа.

В ночном небе можно было увидеть испуганных уток и кур. Свины хрюкали и совали везде свой нос. Козы и овцы бежали к реке вместе с толпой людей, или хаотично носились по полю. Но двое баранов вопреки всем ожиданиям побежали прямо в огонь. Один ребенок, вероятно, увидел, что эти бараны принадлежали к стаду их семьи, и побежал за ними. Но взрослые успели его схватить. Они сильно его отругали: «Ты хочешь погибнуть?» Ребенку ничего не оставалось, кроме как плакать и смотреть, как бараны бегут в огонь.

Когда отец Цинтуна выбегал из дома, то ничего не взял с собой. Он только вывел за собой буйвола. Это был очень крепкий и послушный буйвол. Еще теленком он попал в дом Цинтуна. Тогда его тело было покрыто язвами. Семья Цинтуна очень хорошо относилась к буйволу. Они давали ему самую молодую траву, протирали его тело чистой водой из реки. Они также собирали лекарственные травы, делали из них сок и мазали язвы буйвола. Вскоре его язвы были излечены. Он вырос красивым и крепким. Во время пожара он был не похож на других буйволов, которые бежали куда глаза глядят. Он, наоборот, спокойно следовал за своим хозяином. Семья Цинтуна и буйвол были неразлучны. В опасные моменты они всегда были вместе.

Бабушка Цитуна передвигалась медленнее остальных, поэтому буйвол время от времени останавливался и дожидался ее. Их семья впятером шла вплотную друг за другом; ни люди, ни животные, носившиеся в панике, не могли их разделить.

Цинтун то и дело вертел головой на руках у матери, чтобы следить за происходящим вокруг. Он увидел, что пожар уже устремился к окраинам деревни Дамайди.

Первые постройки деревни уже превратились в золотые шары, охваченные огнем. Ранней осенью камыш был сухим, поэтому он быстро воспламенялся. Повсюду были слышны хлопки.

Они были похожи на взрывы многочисленных хлопушек. Эти хлопки заставляли тревожиться жителей деревни Дамайди. Несколько куриц влетели в огонь, тотчас превратились в золотистый ком и вскоре превратились в пепел. Один кролик бегал перед огнем, а длинные языки пламени раз за разом втягивали его в свои объятия. Он прыгал, а его тень в свете огня была похожа на большую лошадь, которая мерцала в черном поле. В итоге кролик был поглощен языками пламени. Люди вовсе не слышали его жалобного зова, но они будто услышали душевраздирающий писк. Одно мгновение, и он навсегда исчез из этого мира.

Несколько баранов мчались в огонь. Люди увидели их и сказали: «Глупые бараны!»

Передние дома деревни Дамайди уже горели. В небо взлетело несколько уток. Некоторые из них приземлились в огонь, а некоторые исчезли в черном небе.

Цинтун снова прижал лицо к материнской груди.

Жители деревни Дамайди выбежали к реке. Несколько лодок переправляли людей на противоположный берег. Огонь не смог бы пересечь эту реку. Все хотели сесть в лодку, и некоторые люди падали в воду. Крик, ругань, плач смешались в ночном небе. Люди, которые умели плавать и понимали, что им не удастся сесть в лодку, снимали одежду и, держа ее в руках, плыли к противоположному берегу. Среди них был мужчина, который посадил своего маленького сына на шею. Мальчик смотрел на воду, крепко обнимал голову отца и громко плакал. Отец не обращал на него внимания и без остановки плыл к противоположному берегу. Когда мужчина доплыл, сын спустился с его шеи. Он не плакал и не шумел, а только стоял в оцепенении. Он был напуган всем, что происходило вокруг.

Огонь, словно поток воды, пронесся по улицам. Вскоре вся деревня погрузилась в огненное море.

Отец Цинтуна с большим трудом нашел место в лодке для бабушки. После этого он подвел буйвола к воде. Буйвол знал, что ему нужно делать. Он без указаний хозяина тут же вошел в воду. Мать взяла на руки Цинтуна. Отец помог ей взобраться на хребет буйвола. После этого он взял в руки поводья и вместе с буйволом поплыл на противоположный берег. Все это время Цинтун дрожал от страха в объятиях своей матери.

В темноте чей-то ребенок упал в воду. Он стал кричать и звать на помощь. Вокруг стоял плотный черный туман. Где искать этого ребенка в такой темноте? Возможно, после падения в воду его голова несколько раз появлялась на поверхности воды, но никто этого не видел. Пожар приближался к воде, поэтому все спешили переплыть через реку. Все тяжело вздыхали и с волнением ожидали лодку, но никто не поплыл спасать ребенка. Людям, которые сидели в лодке, тем более было не до этой крохи. Мать ребенка плакала в истерике. Ее крик был таким громким, что казалось, он разорвет небо.

Пришел рассвет, и люди, которые оказались на противоположном берегу, увидели, что огонь постепенно стал стихать.

Деревня Дамайди превратилась в пепелище.

Сначала Цинтун в объятиях матери чувствовал холод, а после пожара – жар. Высокая температура у Цинтуна сохранялась в течение пяти дней. Когда она нормализовалась, состояние ребенка улучшилось. Но за это время он сильно похудел, и его без того огромные глаза стали казаться еще больше. Вскоре его родственники обнаружили, что их ребенок перестал говорить и стал немым.

* * *

С этого момента мир для Цинтуна изменился.

Когда дети его возраста пошли в школу, он не стал учиться с ними. Это произошло не потому, что он не хотел, а потому, что его не приняла школа. Когда радостные дети с рюкзаками шли в школу, он стоял вдали и смотрел на них. Каждый раз бабушка слегка поглажи-

вала его голову. Она ничего не говорила. Она знала, о чем он думает. Бабушка гладила голову внука своей шероховатой и немного высохшей рукой. Мальчик протягивал руку бабушке, а та, взяв ее, поворачивалась и направлялась к дому или к полю. Бабушка была всегда рядом. Она вместе с внуком ходила смотреть на лягушек в оросительном канале, на углокрылых кузнечиков, на листья камышей у реки, на птиц с длинными ногами, которые ходили по влажной почве, на парусники, на постоянно вращающееся ветряное колесо на реке... Жители деревни Дамайди постоянно видели их вместе. Куда шла бабушка – туда шел Цинтун. Ее внук был одинок, поэтому она всегда была с ним. Когда мальчик выглядел грустным, она носила его на спине и тихо плакала. Но при общении с ним она всегда была радостной.

Отец и мать весь день работали в поле, поэтому у них совершенно не было времени на Цинтуна.

Кроме бабушки, самым близким существом для Цинтуна был буйвол. Когда отец приводил буйвола к дому, мальчик брал из рук отца поводья и вел животное к тем местам, где росла самая густая трава. Буйвол послушно следовал за Цинтуном куда угодно. Жители Дамайди часто видели бабушку с Цинтуном, а также часто видели, как Цинтун ведет буйвола щипать траву. Для жителей деревни эти картины стали привычными, но по-прежнему заставляли людей остановиться, ощутив в сердце легкую печаль и грусть.

Буйвол щипал траву, а Цинтун смотрел на него. У буйвола был длинный и проворный язык, который непрерывно захватывал траву в рот. Во время щипания травы буйвол ритмично размахивал хвостом. Сначала Цинтун разрешал буйволу самому щипать траву, а после того, как он немного подрос, Цинтун начал косить траву и кормить его. Трава, которую он косил для буйвола, была молодой. Буйвол стал самым крепким и красивым животным во всей деревне Дамайди. Жители деревни говорили: «Буйвол вырос таким, потому что Цинтун хорошо кормил его». Они также могли сказать: «Буйвол такой крепкий, потому что немой хорошо его кормит». Но жители Дамайди никогда не называли Цинтуна немым в его присутствии. Они звали его Цинтуном, а он смеялся. Его простодушный, чистый и добрый смех трогал сердца людей.

Выпасая буйвола, Цинтун иногда слышал голоса детей, читающих книгу. В такие моменты он, затаив дыхание, вслушивался в эти звуки. Они то становились громче, то стихали. Они разносились по всему полю. Он думал, что это самые приятные звуки в мире. Мальчик всегда с интересом смотрел в сторону школы.

Иногда буйвол прекращал щипать траву и мягким языком лизал руку Цинтуна.

Цинтун обнимал голову буйвола и плакал, уткнувшись в его гриву и оставляя в ней слезы.

Буйвол любил, опустив голову, дать Цинтуну схватить себя за рога, позволить ему наступить себе на голову и взобраться на спину. Буйвол позволял мальчику залезать на спину, чтобы тот был выше всех и мог с величественным видом пересечь поле и проехать перед глазами всех детей деревни Дамайди...

В такие моменты у Цинтуна был очень довольный вид. Он крепко сидел верхом на буйволе и делал вид, что рядом никого нет. В это время он смотрел только на небо, на камыш и на огромное ветряное колесо, которое находилось далеко от него. Но когда все переставали смотреть на него, мальчик с грустью ложился на спину буйволу, чем давал ему понять, что тот может везти его куда хочет.

Цинтун был очень одинок. Птица одинока в небе, рыба – в реке, лошадь – на пастбище, а Цинтун был одинок во всем мире.

Но теперь в его жизни появилась девочка, которая жила на противоположном берегу. С появлением Куйхуа Цинтун понял: он больше не самый одинокий ребенок на свете.

С тех пор Цинтун приводил своего буйвола только на берег.

Отец Куйхуа всегда говорил дочери: «Иди поиграй к реке».

Цинтун и Куйхуа подружились, хотя и находились на разных берегах.

Куйхуа сидела под кроной старого вяза. Она упиралась подбородком в согнутые колени и спокойно смотрела на противоположный берег.

Казалось, что Цинтун, как обычно, пас своего буйвола: по-прежнему резал для него траву, по-прежнему указывал, какую траву ему следует щипать. Однако он иногда поднимал голову и смотрел на противоположный берег.

Для обоих детей это был особый безмолвный мир.

Чистые взгляды, которыми они обменивались, скользили по воздуху над рекой. Они служили им вместо слов.

Проходили дни. Цинтун думал, что ему следует сделать что-то большее для Куйхуа, которая сидела на противоположном берегу. Нужно спеть ей песню, которую пели дети из деревни Дамайди. Но он не мог петь. Ему следовало спросить Куйхуа: «Хочешь пойти к камышам собирать яйца диких уток?» Но он не мог задать этот вопрос. Вскоре он превратил свой берег реки в большую сцену. Он хотел выступить перед девочкой.

У него был только один зритель. Этот зритель всегда был в одной и той же позе: девочка упирала подбородок в согнутые колени.

Цинтун ехал верхом на буйволе по берегу. Вдруг он подтянул к себе поводья, стукнул пяткой по брюху буйвола и тут же помчался вдоль берега. Копыта животного непрерывно двигались и подбрасывали в воздух комки грязи.

Куйхуа все так же сидела на месте, но следила за тем, что происходит на том берегу.

Буйвол бегал в зарослях камышей, которые расступались перед животным.

Когда Цинтун и его буйвол должны были исчезнуть из вида и покинуть сцену, мальчик подтягивал поводья, поворачивал буйвола, и животное несло обратно. У людей захватывало дух при виде скачущего буйвола.

Буйвол иногда мычал. Тогда казалось, что вода дрожит в реке.

Проскакав на буйволе в одном направлении и вернувшись обратно на импровизированную сцену несколько раз, Цинтун спустился на землю, бросил поводья в сторону и лег в густой траве.

Некоторое время после бега буйвол тяжело дышал, махал своими большими ушами, а потом опускал голову и беззаботно щипал траву.

Наступала тишина. Куйхуа слышала тоненький звук – Цинтун сделал свисток из листа камыша.

Куйхуа подняла голову и посмотрела на небо. Стая диких уток летела на запад.

Однажды Цинтун в очередной раз взобрался на спину буйвола. Он сначала подул в свисток, а потом встал на спину буйвола. Животное начинало двигаться, а Куйхуа беспокоилась о том, что Цинтун может соскользнуть со спины буйвола. Но мальчик все время крепко стоял на спине животного.

Вскоре Цинтун выбросил свисток и встал вверх ногами на голове буйвола. Он поднял обе ноги и направил их в небо. Время от времени он то сдвигал ноги, то раздвигал их.

Куйхуа увлеченно смотрела представление. Но Цинтун внезапно упал с головы буйвола. Девочка испугалась и встала.

Только через некоторое время Цинтун наконец-то появился на импровизированной сцене. Он был весь в грязи с ног до головы. Мальчик упал в трясины. Все его лицо тоже было покрыто грязью, из-за которой выглядывала пара ярких глаз. Он забавно выглядел – и Куйхуа засмеялась.

День подошел к концу. Когда солнце садилось на самом краю реки, мальчик и девочка шли по домам.

Куйхуа прыгала и напевала песню. Цинтун тоже пел песню, но пел ее в сердце...

* * *

Одним летним вечером слабо подул южный ветер. Отец Куйхуа почувствовал аромат подсолнуха, который доносился с противоположного берега, где находилась деревня Дамайди. Среди всех растений отец больше всего любил подсолнух. Он хорошо знал его аромат, который отличался от аромата других цветов и трав. Его заряженный энергией солнца запах приносил людям тепло, радость и поднимал настроение.

Судьба крепко связала отца и подсолнух.

Отец Куйхуа был скульптором. Его лучшим творением стал подсолнух, выполненный из бронзы. Он считал, что бронза – лучший материал, который сможет показать все достоинства этого растения. Бронза сверкает простым и прохладным блеском. Соединение теплого подсолнуха и холодной бронзы создает бесконечное очарование. Мир, наполненный жизненной энергией и строгим бездействием, увлекал отца до самозабвения.

Самой известной скульптурой в городе, где проживал отец, был бронзовый подсолнух. Эта скульптура была установлена в центре городской площади. Название города было тесно связано с этой скульптурой. Она была символом этого города.

Почти все творения отца Куйхуа были бронзовыми подсолнухами. Среди них были высокие (более трех метров) и низкие, но были даже и такие, высота которых была меньше десяти сантиметров. Среди этих подсолнухов можно было увидеть растения с одним стеблем, с двумя, с пятью... Подсолнухи были наклонены под разными углами и имели разную форму. Вскоре подсолнух стал украшением города. Главные двери гостиниц, стены домов, колонны галерей, перила в общественных парках украшали именно подсолнухом. Позже он стал художественным символом города. Его изготавливали в больших и малых мастерских, везде разной формы, но всегда из бронзы. Продавали подсолнух в лавках художественных изделий.

Отец Куйхуа считал, что так бронзовый подсолнух станет слишком популярным и это повредит его красоте, но не мог с этим ничего поделать.

Любовь отца к подсолнухам привела к тому, что он выбрал для своей дочери деревенское имя – Куйхуа. Но для него это было самым благозвучным именем. Когда он произносил его, то чувствовал вокруг тепло и солнечный свет. Ему казалось, что весь мир горит и сверкает.

Девочке тоже нравилось свое имя. Когда отец звал ее по имени, то она, услышав его, сразу громко кричала: «Папа, я здесь!» Иногда она сама звала себя этим именем. Она говорила: «Папа, Куйхуа здесь!»

Подсолнух стал частью души отца.

Находясь в этом глухом мире школы кадровых работников, отец вновь почувствовал аромат подсолнуха.

Глубокой ночью все покрывалось росой. В воздухе витали различные запахи трав и цветов. Тем не менее нос отца мог четко среди всего разнообразия запахов различить аромат подсолнуха. Отец сказал дочери:

– Я чувствую в воздухе аромат не одного или двух подсолнухов, а сотен и тысяч.

Куйхуа попробовала почуять аромат подсолнуха, но не смогла.

Отец улыбнулся, а потом потянул ее за руку:

– Мы идем к реке.

Река спокойно текла между двух берегов. Месяц висел на небе. Поверхность воды была словно наполнена мелкими кусочками серебра. Несколько рыболовных лодок, стоявших на якоре, покачивались и раскачивали огни на них. Когда смотришь на огни рыболовных лодок, то кажется, что они больше не качаются. Но тут же начинают двигаться небо, земля, камышовое болото и река. Летняя ночь в деревне Дамайди была наполнена волшебством.

Отец еще более отчетливо почувствовал аромат подсолнуха – он доносился с противоположного берега.

Казалось, Куйхуа тоже почувствовала этот аромат.

Они долго сидели у реки. Только когда луна стала садиться на западе, они пошли домой. Все уже было пропитано росой. Аромат в воздухе стал насыщенным. У них немного закружилась голова то ли из-за того, что они хотели спать, то ли из-за дурманящего азапах. Им казалось, что весь мир был неясным и колыхающимся.

Когда на утро следующего дня Куйхуа проснулась, ее отец уже встал и куда-то ушел.

* * *

Когда солнце еще не встало, отец тихо поднялся с кровати, взял мольберт и краски и последовал за до сих пор распространяющимся ароматом подсолнуха. Перед выходом из школы кадровых работников он поручил проследить за Куйхуа дядюшке Дину, который охранял главный вход. Дядюшка Дин был лучшим другом отца.

Переправившись через реку, отец пошел в Дамайди. пересек деревню, заросли камышей и внезапно увидел поле подсолнухов.

Размеры этого поля превзошли все его ожидания. За свою жизнь отец Куйхуа повидал много полей с подсолнухами, но никогда не видел такого огромного. Когда он взобрался на холм и посмотрел на поле сверху вниз, то был просто потрясен его размером.

Он выбрал лучшую точку обзора, установил мольберт и поставил раскладной стул. Вставало солнце. Его полукруг уже пророс над линией горизонта, словно шляпка громадного золотисто-красного гриба, пробивающегося из почвы.

Подсолнух – странное растение: прямой длинный стебель с выступами подпирает круглую головку. Эта головка может немного опускаться и подниматься. При наступлении ночи в тусклом лунном свете подсолнухи стоят смирно, словно смелые воины.

Раньше на месте подсолнечного поля было камышовое болото, поэтому земля была очень плодородной. Подсолнухи выросли очень крепкими. Отец никогда не видел таких огромных подсолнухов: их головки по размерам были как таз для мытья.

Перед отцом был целый лес подсолнухов.

Этот покрытый росой лес был мокрым. На сердцевидных листочках и опустившихся головках сверкали капли росы, и казалось, что подсолнухи усыпаны бриллиантами.

Солнце постепенно поднималось.

Подсолнух считают самым умным растением. Люди думают, что он чувствует все, что происходит вокруг. Подсолнух живой и обладает сознанием. Он постоянно направляет свое лицо к божественному солнечному свету. Подсолнухи – это дети солнца. Они целыми днями, не отвлекаясь ни на минуту, смотрят на солнце и поворачиваются вслед за его движением. Никакое другое растение не любит солнце так сильно и не предано ему так, как подсолнух.

Отец постоянно наблюдал за ними. Он заметил, что свисающие головки подсолнухов просыпаются вслед за солнцем и поднимают свои «лица» к нему. Это делают все подсолнухи.

Солнце взошло и поднялось.

Подсолнухи подняли свои «лица». Их листочки только что были мягкими, но получив заряд энергии от солнечных лучей они распрямились, и их цвет стал еще более насыщенным.

Отец смотрел на эти «лица», и его сердце наполнялось нежностью.

Солнце было похоже на золотой диск. Когда солнечные лучи ласкают своим теплом подсолнечное поле, то цветы на нем тотчас же начинают испускать золотое сияние. На небе – большое солнце, на земле – бесчисленное множество таких же маленьких солнц. Большое светило смотрело сверху вниз на маленькие светила, а маленькие – задирали свои «лица», чтобы

посмотреть на большое. Несмотря на то, что они не говорят, их связь очень глубока. Подсолнухи простодушны, наивны и верны.

Отцу действительно очень нравились подсолнухи.

Он вспомнил свой город и бронзовую скульптуру. Он думал, что в мире только он понимает характер и нрав подсолнуха. Но это подсолнечное поле потрясло его. Он воочию увидел то, что нельзя было описать словами. Ему необходимо было понять сердцем эти растения. После возвращения в город он обязательно покажет жителям еще большее очарование и изящность подсолнуха.

Солнечные лучи становились горячее, а подсолнухи – ярче и красивее. Солнце горело, а лепестки цветков начинали двигаться, словно языки пламени.

Отец рисовал. Время от времени его настолько поглощал этот пейзаж, который манил его своей красотой, что он переставал чувствовать, что сидит и рисует.

Это было подсолнечное поле, обладающее волшебной силой.

В полдень золотистые лучи солнца осветили все вокруг. Только и было видно, как подсолнухи один за другим тянут к солнцу свои головки. Их стебли будто становились длиннее. Огненные шары горели под голубым небом. Повсюду были видны белые летучки семян камыша, и эти огненные шары оттеняли их.

Над подсолнечным полем подул горячий ветер, и все вокруг наполнилось фантастическими образами. Птицы в небе летели, словно во сне, и казалось, что летит странная геометрическая фигура.

Отец рисовал. Лист за листом. Он не хотел копировать пейзаж в деталях, а наоборот, выражал все чувства, которые накопились у него в сердце.

Он забыл о дочери, забыл, что уже наступило время обеда. Он забыл обо всем. Перед его глазами и в его сердце было только огромное подсолнечное поле.

Наконец он устал. Он остановил постоянно блуждающий взгляд на одном цветке и тщательно рассмотрел его. У этого подсолнуха была изящная и наполненная семенами корзинка. Задняя часть этой корзинки была зеленой. Центральная часть задней стороны корзинки, к удивлению отца, была белой, словно кожа человека. Каждый лепесток поддерживался отдельным чашелистиком треугольной формы. Чашелистик располагался немного ниже лепестка. Чашелистики каждого лепестка соединялись и образовывали зубцы. Корзинка подсолнуха была не плоской, а немного выгнутой к центру. Цвет корзинки менялся от бледного к темному в центре. Центральная часть корзинки была коричневой. Это растение можно вечно разглядывать и каждый раз находить в нем что-то новое и удивительное.

Отец закричал:

– Счастье!

Такая связь отца с растениями действительно была счастьем. Он думал, что он весьма счастливый человек. Он, казалось, увидел свой город и был увлечен сиянием бронзового подсолнуха.

Когда он готовился уйти, у него внезапно появилась идея. Он отложил мольберт, спустился на подсолнечное поле и пошел вперед. Цветы были выше его. Он мог лишь поднять голову и посмотреть на их головки. Он пошел по полю и вскоре утонул в нем.

Спустя долгое время он вышел из подсолнечного поля. Он был весь с ног до головы покрыт желтой пылью. Даже его брови окрасились в золотистый цвет.

Несколько пчел вились вокруг его головы и жужжали. Голова закружилась.

* * *

Когда он прошел мимо деревни Дамайди, его шаги замедлились.

Была уже вторая половина дня. Люди ушли в поля на работу, и на улицах не было ни души. Только несколько собак лениво шли куда-то.

У отца появилось странное чувство. Его ноги словно застряли в грязи деревни Дамайди. Таинственная сила, казалось, останавливала его, чтобы он осмотрел деревню.

Дамайди огромна. В ней было более десяти продольных и бесчисленное множество поперечных улиц. Все окна домов выходили на юг. Было очевидно, что это бедная деревня. Все дома, кроме нескольких с черепичной крышей, были тростниковыми лачугами. Под лучами летнего солнца от них исходил бледно-голубой горячий пар. Многие новые дома строились с соломенными крышами. Когда отец смотрел на эти крыши, каждая соломинка мерцала в солнечных лучах, создавая сияние, которое вызывало головокружение. Улицы были узкими, но очень длинными. Они были вымощены серым кирпичом, казалось, очень старым. Некоторые кирпичи были искореженными, некоторые – ровными и гладкими.

Дамайди была спокойной и мирной деревней.

Отец в этой деревне ощущал себя чужим, но в то же время он чувствовал в ней что-то родное. В душе он как будто что-то хотел сказать этой деревне. Это были какие-то важные слова, которые ему нужно было передать этому месту. Однако в сердце у него было все смутно и неясно.

Одна собака подняла голову и посмотрела на него. Ее взгляд был мягким и совершенно не походил на взгляд животного. Отец кивнул собаке, а она будто тоже ответила ему кивком. Мужчина улыбнулся ей в душе. Стайка голубей пролетела в воздухе над деревней. Их темные силуэты проносились над крышами домов. Голуби несколько раз пролетели над отцом. Никак не могли выбрать крышу, где им приземлиться.

Отцу казалось, что он потратил много времени, чтобы выйти из этой деревни. Он обернулся и подумал, что ему будто нужно оставить какое-то поручение этой деревне, но не знал, что ей передать. Он чувствовал, что его сердце было наполнено каким-то странным ощущением.

Пройдя заросли камыша, отец Куйхуа почувствовал, что это странное ощущение покинуло его сердце.

Мужчина подошел к реке. Он думал, что сможет увидеть свою дочь под кроной старого вяза на противоположном берегу. Но он не увидел ее. Возможно, она с Цинтуном ушла куда-то играть. В его сердце появилось чувство одиночества. По неизвестной причине ему хотелось увидеть свою дочь. Он корил себя за то, что проводит мало времени с ней, а когда у него появляется время, то он только и думает о бронзовом подсолнухе. Он чувствовал себя виноватым перед девочкой. Отец испытывал сожаление, но в то же время у него в сердце появилось теплое чувство, которое как водный поток наполняло его. Пока мужчина ждал лодку для переправы через реку, он вспоминал все, что принесла в его жизнь дочь.

... Когда ей было три года, умерла ее мать. Он один воспитывал девочку. Отдушинами в его жизни были только бронзовый подсолнух и дочь. Его малышка была такой смысленной и красивой! Все ее любили. Как только он вспоминал о ней, его сердце начинало таять. Перед глазами проносились события прошлого и смешивались с летним пейзажем.

... Вечер. Он все еще делал бронзовый подсолнух. Дочь хотела спать. Он отнес ее на кровать, укрыл одеялом и начал слегка похлопывать и приговаривать: «Куйхуа – хорошая девочка. Куйхуа ложится спать. Куйхуа – хорошая девочка. Куйхуа ложится спать...». Но он все еще думал о незаконченном бронзовом подсолнухе. Дочь не спала, а с открытыми глазами переворачивалась с боку на бок и смотрела на отца. Он никак не мог убаюкать ее и тогда сказал: «Папе нужно еще поработать. Куйхуа сама будет засыпать». Он ушел в мастерскую. Куйхуа не плакала. Поработав немного, отец вновь вспомнил про дочь и тихонько пробрался в комнату. У двери он услышал голос: «Куйхуа – хорошая девочка. Куйхуа ложится спать. Папе нужно еще поработать. Куйхуа ложится спать...» Он смотрел в комнату и видел, как дочь сама убаюкивала

себя и слегка похлопывала себя по груди. Голос девочки становился неясным и сонным. Ее маленькая рука лежала на груди, словно утомленная птица на верхушке ветки. Дочь заснула, убаюкав сама себя. Отец вернулся в мастерскую и продолжил работу. Время от времени он вспоминал вид дочери и не мог удержаться от смеха.

... Его дочь иногда засыпала во время игры. Когда отец брал ее на руки, то чувствовал расслабленные руки и ноги. Она была похожа на маленького ягненка. Когда он укладывал ее в кровать, то часто видел, как уголки ее рта поднимались вверх, и девочка улыбалась. Эта улыбка была похожа на колыхание волн. В тот момент он думал, что лицо дочери – спокойный цветок.

... На улице гремел гром. Дочь обнимала отца и сворачивалась калачиком в его объятиях. Он прикасался щекой к ее голове, похлопывал ее дрожащую спину и говорил: «Куйхуа, не бойся. Это гром гремит, потому что весна пришла. Трава стала зеленой. Цветы распустились. В воздухе появились пчелки и бабочки...» Девочка потихоньку успокаивалась. Она, сидя на руке отца, поворачивала голову и смотрела в окно. Молния разрезала небо. Дерево за окном покачивалось от сильного ветра. Куйхуа снова прятала лицо на груди отца. Он снова успокаивал ее до тех пор, пока у нее не проходил страх. Она крутила головой и с осторожностью смотрела, как гром и молния сменяют друг друга, как ветер и дождь наполняют небо звонкой пеленой.

Так дочь и росла день за днем.

Ему нужно было разбираться в дочери лучше, чем в себе. Он должен был знать ее лицо, руки, ноги, ее характер. Ее тело до сих пор сохранило слабый молочный запах, который особенно сильно чувствовался, когда она спала. Этот запах был похож на запах цветка, намочшего от ночной росы. Отец иногда осторожно вдыхал этот запах с не прикрытых одеялом лица и рук дочери. Он накрывал одеялом случайно оголенную руку. Отец считал, что кожа девочки очень нежная и гладкая, словно мягкий шелк. Лежа в кровати, он думал о бронзовом подсолнухе, но внезапно его сердце наполнялось чувством горячей любви. Он не сдерживался и крепко обнимал дочь, прижимаясь кончиком носа к ее щеке, и слегка терся об нее. Щека дочери была гладкая, словно фарфор, что доставляло отцу не сравнимую ни с чем радость.

Когда отец мыл свою дочь, то заметил, что на ее теле нет ни единого шрама. Дочь была словно белоснежная и безупречная яшма. Он не хотел, чтобы на ее теле появилась хотя бы одна царапина. Однако девочка вовсе не любила заботиться о себе. Она не слушалась и даже проказничала. Время от времени на ее руках появлялись царапины, на пальцах рук – раны, на коленках – ссадины. Однажды она споткнулась и разбила лицо о кирпич. Отец сильно рассердился на нее, но в то же время беспокоился о ее здоровье. Он боялся, что на ее лице останется шрам. Ей нельзя было портить отметинами красоту тела. Отец беспокоился до тех пор, пока рана не затянулась, а лицо не стало гладким, как раньше. Только после этого он успокоился.

Сейчас он почему-то сильно захотел видеть дочь. Его желание было таким сильным, будто он больше никогда не сможет ее увидеть. Казалось, ему нужно что-то передать девочке.

Но Куйхуа все не появлялась. Она ушла куда-то играть с Цинтуном.

Отцу нравился этот мальчик. Он надеялся, что дети будут часто играть вместе. Когда он видел их, его сердце наполнялось спокойствием. Но сейчас он хотел увидеть свою дочь.

Он увидел, что на берегу реки стояла маленькая лодка. Лодка была совсем крошечной, и он беспокоился о безопасности переправы. Он хотел дождаться большой лодки. Но здесь не проплывали такие. Отец увидел, что солнце уже садится, и решил перебраться через реку на лодочке.

Лодка, конечно, была маленькой, но довольно крепкой. Отец смог в ней поместиться и уложить в нее свой мольберт и другие вещи. Судно поплыло по реке. Отцу впервые пришлось управлять лодкой с помощью шеста. Лодочка послушно скользила по воде. Несмотря на то, что отец не умел управлять лодкой, отталкиваясь шестом, ему все же удалось это сделать.

Впереди он увидел высокий берег.

В небе пролетала стая ворон. Над головой отца они внезапно стали каркать во все горло. Их голос был таким резким, что напугал отца. Когда он поднял голову и посмотрел на них, испражнения одной из ворон летели вниз. Отец не успел отреагировать, и белые капли попали ему прямо на лицо.

Он отложил шест, аккуратно присел, зачерпнул из реки немного чистой воды и вымыл начисто лицо. Когда он готовился рукавом вытереть капли воды, он внезапно увидел страшную картину: к лодке приближался смерч!

Форма смерча была конусообразной. Он явно пришел к реке из поля, так как в этом почти закрытом и прозрачном конусе находилось множество веток, завядших цветов, сухих листьев, пыли. Все это вращалось в конусе смерча. Эта стихия обладала огромной силой всасывания. Смерч вмиг захватил пролетающую птицу. Она потеряла равновесие, и он закружил ее в своем могучем теле вместе с ветками, цветами и листьями.

Монстр постепенно спускался с неба. Когда его верхушка коснулась воды, на поверхности реки тут же образовалась воронка. Вода журчала и вздымалась в виде конуса.

Смерч крутился и продвигался вперед, оставляя за собой след на поверхности воды.

Отец дрожал от страха.

Через некоторое время стихия добралась и до маленькой лодки. К счастью, смерч не напал на нее. Он всего лишь тронул нос судна и унес мольберт, который там стоял. Мольберт не попал в середину смерча, поэтому сильный воздушный поток вытолкнул его. Когда монстр продвинулся вперед, мольберт, словно крылья большой птицы, раскрылся в воздухе. Эскизы вылетели из зажимов мольберта и разлетелись.

Отец увидел, как в воздухе полетели подсолнухи.

Рисунки, покачиваясь на воздушных волнах, один за другим спускались на поверхность воды. Просто невероятно, что ни один из эскизов, которые падали на воду, не приземлился кверху чистой стороной. Цветы подсолнуха распустились на волнах, очаровав отца Куйхуа.

Ярко светило солнце.

Отец забыл, что находится в маленькой лодке, забыл, что не умеет плавать. Он присел, вытянул руку, изо всех сил наклонился и попытался достать ближайший эскиз. Маленькая лодка тут же перевернулась.

Он барахтался изо всех сил. Он увидел берег. Он так хотел в последний раз увидеть свою дочь, но на берегу стоял только старый вяз...

* * *

По реке, которая освещалась солнечными лучами, плавали эскизы с подсолнечниками.

Люди на проплывавшем мимо судне увидели все, что произошло с отцом Куйхуа. Они сорвали паруса и приплыли к месту происшествия. Но кроме наполовину погруженной в воду перевернутой лодки, папки для эскизов и других предметов, которые плавали на поверхности реки, они ничего не нашли. Люди на лодке пытались найти человека и искали его глазами на поверхности воды.

Река текла на восток. Несколько водоплавающих птиц кружили на малой высоте над рекой.

Люди на лодке кричали в сторону берега:

– Человек за бортом! Человек за бортом!

В школе кадровых работников и в деревне Дамайди услышали эти крики, которые вскоре собрали на двух берегах реки огромную толпу людей.

– Кто упал в воду? Кто упал в воду?

Никто не давал ответа.

Люди из школы кадровых работников обнаружили папку с зажимами, эскизы с нарисованными подсолнухами и тут же поняли, кто утонул в реке.

В это время Куйхуа наблюдала, как Цинтун в воде гладит моллюска. Увидев, что взрослые побежали к реке, дети бросились за ними. Куйхуа бежала медленно, поэтому Цинтун часто останавливался и ждал ее. Увидев, что она догнала его, мальчик бежал дальше. Когда они добежали до берега реки, там яблоку негде было упасть. Повсюду стояли люди. Многие из них прыгали в воду, ныряли и искали утопленника.

Куйхуа, увидев плавающие эскизы, громко закричала: «Папа!» Она носилась в толпе, иногда подбегая к берегу. Девочка время от времени поднимала голову, всматривалась в лица взрослых и кричала: «Папа!»

Люди из школы кадровых работников нашли ее в толпе. Один человек тут же подошел к девочке и взял ее на руки. Она изо всех вырывалась из объятий этого человека, размахивала руками и кричала: «Папа! Папа!..»

Ответа не было.

Несколько женщин средних лет из школы кадровых работников обступили мужчину, который взял на руки Куйхуа, и вместе с ним в спешке покинули берег реки. Они побежали в направлении школы кадровых работников. Женщины не хотели, чтобы ребенок своими глазами все увидел. По пути они успокаивали Куйхуа, но безрезультатно. Она плакала, а ее слезы текли ручьями.

Цинтун следовал за ней на большом расстоянии.

Вскоре голос Куйхуа осип от плача, и она не могла произнести ни звука. Холодные слезы тихо стекали к уголкам рта и устремлялись к шее. Она вытягивала руку в направлении реки и постоянно всхлипывала.

Цинтун все время стоял у стены школы кадровых работников и не двигался.

По реке плавали больше десяти больших и маленьких лодок. В поисковых работах участвовало много людей. Отряд работал до самой ночи, но отца Куйхуа так и не нашли.

Поиски продолжались целую неделю, но ни к чему не привели. Жители деревни Дамайди и люди из школы кадровых работников не могли понять, почему не удалось найти останки.

Все это время несколько женщин среднего возраста из школы кадровых работников заботились о Куйхуа.

Куйхуа больше не плакала. Выражение ее бледного лица было безучастным, а взгляд был полон горя. Ухаживающие за девочкой женщины не могли сдержать своих чувств и плакали, когда девочка кричала во сне и звала отца.

Спустя неделю после гибели отца Куйхуа внезапно исчезла.

Все люди из школы кадровых работников были вовлечены в поиски девочки. Они обыскали все укромные места, но не нашли ее. Тогда они расширили зону поиска и стали смотреть в радиусе двух миль от школы кадровых работников, но так и не смогли найти ребенка. Кто-то предположил, что, возможно, она пошла в деревню Дамайди, и тогда пошли искать ее туда. Люди из Дамайди узнав об исчезновении девочки тоже принялись искать ее, но поиски в деревне и за ее пределами так и не дали результатов.

Когда искавшие пришли в отчаяние, Цинтун, словно внезапно услышав чей-то зов, одним рывком вскочил на спину буйвола, разогнал толпу людей и помчался вперед вдоль главной дороги деревни.

Он пересек заросли камыша и увидел подсолнечное поле.

Полуденное солнце было очень ярким. Подсолнечное поле под лучами солнца горело золотистым светом. Стайки пчел и бабочек кружили над цветами.

Цинтун спрыгнул со спины буйвола, отбросил поводья и вбежал в подсолнечное поле. Густые заросли подсолнуха загораживали ему обзор, и мальчик почти ничего не видел. Он бежал без остановки до тех пор, пока у него не появилась одышка и он не покрылся потом.

В глубине подсолнечного поля мальчик наконец-то обнаружил Куйхуа.

Она лежала на боку на небольшой полянке между несколькими подсолнечниками. Казалось, что она спала.

Цинтун выбежал с поля, забрался на холм и стал махать в направлении деревни Дамайди.

Люди увидели его и удивились:

– Неужели он нашел ее?

Они побежали к подсолнечному полю, и Цинтун проводил их к спящей Куйхуа.

Никто не хотел ее тревожить. Люди окружили девочку и смотрели на нее. Никто не знал, как Куйхуа переправилась через реку и как пришла сюда.

Куйхуа поняла, что отец никуда не уходил, а все время был в подсолнечном поле.

Один человек взял ее на руки с земли. Она немного приоткрыла глаза и пробормотала:

– Я видела отца. Отец был в подсолнечном поле.

Ее щеки покраснели.

Человек, который взял Куйхуа на руки, потрогал ее лоб и воскликнул:

– У нее жар!

Много людей сопровождали ее. Звук топота ног раздавался на дороге, ведущей в больницу.

В тот день после полудня солнце скрылось за густыми облаками. Вскоре подул сильный ветер, и следом пошел дождь. Когда вечером ветер стих и дождь прекратился, на поле можно было увидеть подсолнухи, их опавшие золотисто-желтые лепестки и их потерявшие блеск головки. Головки подсолнухов свисали к земле, усыпанной лепестками...

Глава III

Старая софора

Люди из школы кадровых работников приехали в район этого большого камышового болота, чтобы работать на земле. Жители деревни Дамайди, которые трудились из поколения в поколение, не могли понять их мотивы. Почему они не остались жить в комфортных условиях города, а приехали в эти заброшенные земли для тяжелой работы? Что хорошего в физическом труде? Жители деревни Дамайди много веков трудились на земле и все это время мечтали о таком дне, когда им не нужно будет трудиться. Но выхода у них не было, и им пришлось связать свою жизнь с землей. У городских жителей все было наоборот. Они специально приехали для такой работы. Это действительно было очень странно. Много раз жители Дамайди наблюдали такое: они уже закончили рабочий день, а люди из школы кадровых работников еще трудились. Неоднократно жители Дамайди просыпались от песен работающих горожан. Разбуженные крестьяне со злобой бормотали: «Сумасшедшие!» Они переворачивались на другой бок и продолжали спать.

Чем сильнее дул ветер и лил дождь, тем с большим энтузиазмом работали эти сумасшедшие горожане. Жители Дамайди всегда были чистыми и опрятными, а люди из школы кадровых работников были часто вымазаны в грязи, словно вылезли из болота.

Люди из школы кадровых работников обязаны были упорно трудиться.

Что делать с Куйхуа, которая постоянно бегала к подсолнечному полю? Ведь нельзя же приставить к ней нескольких человек, которые бы специально присматривали за ней! Ее родители были сиротами, поэтому никто в этом мире не смог бы приютить ее. Так прошло больше двух недель. Люди из школы кадровых работников связались с жителями Дамайди, чтобы узнать, не желает ли кто-нибудь из них взять на воспитание девочку. Жители деревни считали, что люди из школы кадровых работников хорошо относятся к ним. Горожане бесплатно вспахали своим трактором им землю. Они собрали деньги и построили мост, а также послали человека в деревню Дамайди, чтобы тот на стенах нарисовал красивые картины. Теперь у людей из школы кадровых работников появилась проблема, поэтому жители Дамайди должны помочь им справиться с ней.

Люди из школы кадровых работников боялись, что ребенок будет тяжелой ношей для жителей деревни Дамайди, поэтому они предложили:

– Девочку можно отдать в семью на воспитание.

Среди горожан нашелся человек, который предложил отправить Куйхуа в город и отдать какой-нибудь семье. Несколько друзей ее отца не согласились на это.

– Лучше отдать девочку кому-нибудь из деревни Дамайди. Нас будет разделять всего лишь река. Если что-то произойдет с ней, то мы сможем позаботиться о ребенке, – говорили друзья отца Куйхуа.

Вечером накануне приезда девочки в деревне заревел высокочастотный динамик. Глава деревни торжественно объявил о завтрашнем событии. После этого он повторил три раза подряд:

– Завтра утром в полдевятого девочку привезут к старой софоре перед деревней. Я надеюсь, что жители Дамайди придут посмотреть на нее. Она очень красивая!

* * *

У него Цинтуна слух был очень хорошим. Несмотря на то, что он был в помещении, все слова из высокочастотного громкоговорителя на улице он слышал отчетливо. Вечером он не доел ужин. Мальчик вышел на улицу, взял поводья буйвола и увел его за собой.

– Ты куда ведешь буйвола так поздно? – спросил отец Цинтуна.

Цинтун не оглянулся.

Для жителей деревни Дамайди Цинтун был немым, умным и способным, но в то же время мальчик отличался странным поведением. Он, как и все другие дети, мог испытывать удовольствие, гнев, печаль и радость, но его способы выражения этих чувств были другими. Несколько лет назад у него произошло горе. Поэтому он часто в одиночку заходил в самое отдаленное место камышового болота и не выходил оттуда, как бы его ни звали. В последний раз он провел в камышовом болоте три дня. После этого он сильно похудел. Бабушка чуть не заплакала, увидев исхудавшего внука. Когда в жизни мальчика происходило радостное событие, то он мог забраться на верх ветряного колеса и смеяться, глядя в небо. До своего десятилетия он мог раздеться и совсем нагим мчаться куда глаза глядят, если в его жизни происходило что-то хорошее. Жители деревни Дамайди до сих пор помнят, как в девять лет зимним днем по неизвестной причине разделся до трусов и выбежал из дома. На земле лежал слой снега толщиной чуть больше 30 сантиметров, а сверху падал новый. Почти все жители деревни выбежали из своих домов понаблюдать за происходящим. Увидев, что столько людей вышли посмотреть на него, он побежал с еще более восторженным видом. Отец, мать и бабушка звали его и бежали позади. Но он их не слышал. Потом он неожиданно для всех снял трусы, бросил их на снег и побежал куда глаза глядят. Шел снег, а он бежал, словно маленький жеребенок.

Несколько мужчин бросились за ним и с трудом поймали. Когда мать одевала его, она плакала, а Цинтун вырывался из ее рук.

Все то, что вызывало радость и восторг у Цинтуна, было для жителей Дамайди неинтересным. Например, однажды, выпасая буйвола, мальчик на тутовом дереве обнаружил птичье гнездо с зелеными яйцами. Он каждый день прятался в зарослях камыша и наблюдал за двумя милыми птицами, которые поочередно высидывали яйца. В очередной день Цинтун вновь пошел наблюдать за ними и обнаружил, что птицы исчезли. Он стал тревожиться за них и решил проверить их гнездо. Обнаружив там голых птенцов, он обрадовался. Еще, когда на реке засохла ива, Цинтун резал траву у реки, поднял голову и увидел, что на засохшем дереве выросли два маленьких листочка. Они колыхались на холодном ветру, и мальчик восхитился. Ему нравились странные вещи, и поэтому жители деревни Дамайди никогда не знали, почему он радуется.

Каждый день Цинтун находил для себя занятия. Его мир отличался от мира других детей из деревни.

Он мог полдня смотреть на чистое дно водоема, где моллюск полз так медленно, что, казалось, что он и вовсе не движется. Он мог за один раз сделать несколько десятков маленьких корабликов из камышового листа, спустить их на воду и наблюдать, как они плывут по течению. Если некоторые из них переворачивались, мальчик сильно переживал. Иногда его поведение было даже таинственным. Однажды люди увидели, как Цинтун ловил рыбу в водоеме, в котором, как они считали, не могло быть никакой живности. Но Цинтун поймал в нем много больших рыб. Кто-то видел, как он забирался в камышовое болото, хлопал в ладоши, и оттуда вылетали птицы, кружили над его головой и вновь садились на болото. Этих птиц жители деревни Дамайди никогда не видели. Они были очень красивыми.

Цинтун не очень любил играть с детьми из деревни Дамайди и не обращал внимания, хотят ли они играть с ним. Его друзьями были потоки реки, камыш, буйвол, многочисленные

неизвестные травы, птицы и насекомые. Один ребенок из деревни Дамайди видел, как Цинтун раскрыл кулак, повернул руку ладонью вниз и провел несколько раз по чахлой траве. После этого травинки поднялись одна за другой. Взрослые и дети не поверили словам этого ребенка, а он сказал: «Не верите – ну и ладно!» Жители деревни Дамайди постоянно видели, как Цинтун в одиночку гулял по полю, а спустя некоторое время у него в руках появлялась связка рыбы на ивовой ветке. Это и многое другое заставляло жителей деревни думать о том, что мальчик обладал необычными способностями. Немой сильно отличался от других детей.

Наступил вечер. Цинтун на буйволе ехал по длинной улице.

– У этого немого появилась какая-то идея, – сказал кто-то, увидев Цинтуна.

Копыта буйвола топали по серому кирпичу.

Цинтун увлеченно о чем-то думал. Сидя на спине буйвола, мальчик совсем не чувствовал, что едет верхом. Он не обращал внимания на людей в окнах домов, которые с удивлением смотрели на него. Буйвол неторопливо шел. Тело Цинтуна покачивалось вместе с буйволом. Он был словно корабль, который дрейфует на волнах. Его взгляд не останавливался на деревне Дамайди. Мальчик смотрел на темно-синее ночное небо. На нем был виден Млечный путь, в котором утопали и искрились многочисленные звезды.

Мальчик выглядел немного растерянным.

Топ-топ...

Топот разносился по пустынной улице. Никто не знал, куда едет Цинтун.

Да и сам Цинтун этого не знал. Он слушал буйвола. Куда шел буйвол, туда и следовал Цинтун. Мальчик всего лишь хотел погулять под звездным небом, а не сидеть дома.

Буйвол прошел всю деревню и вышел к полю. Цинтун увидел реку. Вечером она казалась больше, чем днем, шире и длиннее. Он увидел школу кадровых работников на противоположном берегу и свет лампы в камышовом болоте.

На том берегу жила девочка, которая должна была завтра утром прибыть к старой софоре.

Лунный свет освещал реку и землю. В травяных зарослях стрекотали насекомые. Из зарослей камыша вылетела испуганная птица. Она взмыла в небо, крикнула несколько раз и скрылась в неизвестном направлении. Было уже прохладно. Повсюду перед мальчиком открывались осенние пейзажи.

Цинтун спрыгнул с буйвола. Он босиком стоял на влажной траве.

Буйвол поднял голову и посмотрел на луну. Его глаза были черными и блестящими, словно два драгоценных камня.

Цинтун тоже посмотрел на луну. Она тем вечером была в своей первой фазе и отличалась особой нежностью.

Буйвол опустил голову и пошел щипать траву. Цинтун опустился коленями на влажную траву, посмотрел на животное и стал делать ему жесты. Он верил, что буйвол сможет понять его. Он всегда разговаривал с ним, используя только взгляд и жесты. Мальчик спросил:

«Тебе нравится Куйхуа?»

Буйвол жевал траву.

Но Цинтун все-таки услышал ответ буйвола:

«Нравится».

«Возьмем ее в нашу семью?»

Буйвол поднял голову. Цинтун вновь услышал ответ животного:

«Хорошо».

Мальчик похлопал буйвола по голове. Он очень хотел крепко обнять его шею. Это был не просто буйвол. Цинтун никогда не относился к нему как к животному. В семье Цинтуна все считали, что буйвол – член семьи. Цинтун, бабушка, отец и мать часто разговаривали с ним.

Они иногда ругали его, но со стороны казалось, что перед ними был не буйвол, а маленький ребенок.

Буйвол всегда покорным взглядом смотрел на своих хозяев.

«Тогда мы договорились», – сказал Цинтун, снова похлопал буйвола по голове и залез на его спину.

Буйвол, везя мальчика на своей сильной спине, вошел в деревню. Он остановился у старой софоры на окраине деревни. Под этим деревом была каменная мельница. Завтра утром Куйхуа будет сидеть на этой мельнице и ждать свою будущую семью из деревни Дамайди, которая возьмет ее на воспитание. Цинтун словно увидел ее. Она сидела на мельнице, а за спиной у нее висел узел с вещами. Она все время сидела с опущенной головой.

Луна докатилась до старой софоры и потускнела.

На следующий день в полдевятого утра Куйхуа сидела у старой софоры.

Несколько женщин из школы кадровых работников опрятно одели девочку. Она была чистой и красивой. Волосы были аккуратно уложены в косы, на которых виднелись ярко-красные резиночки. Лицо было худощавым, а глаза казались немного большими. Взгляд девочки был застенчивым. Она неподвижно сидела на каменной мельнице, а рядом лежал ее узел с вещами.

Дяди и тети из школы кадровых работников заранее объяснили ей сложившуюся ситуацию.

Девочка не плакала. Она сказала сама себе: «Куйхуа, не плачь».

Несколько женщин все время были рядом с ней. Они смахивали с ее одежды приставшую к ней пыль или гладили малышку по голове. Одна из них увидела у уха девочки подтеки слез. Тогда она пошла к реке, зачерпнула немного воды и вытерла их.

Стоя напротив жителей деревни Дамайди, женщины с блеском в глазах сказали:

– Такая хорошенькая девочка!

Под старой софорой уже собралось много людей.

– Где? Где? – спрашивали люди, направляясь к дереву.

Люди шли и переговаривались между собой. Но как только они доходили до старой софоры и видели маленькую Куйхуа, то замолкали. Наступала мертвая тишина.

Людей становилось все больше. Сюда приходил и стар, и млад. Все столпились вокруг. Было такое ощущение, что они пришли на базар. Но единственным отличием было то, что здесь не было шума, а только тихий шепот.

Глядя на все эти добрые лица, Куйхуа на время забыла о своих проблемах. Она подняла голову и смущенно посмотрела на толпу. Но вскоре она вспомнила, почему сидит на этой каменной мельнице и зачем сюда пришла. Девочка опустила голову и посмотрела на свои ноги. На ее ногах были новые носочки и туфли, которые ей купили тетеньки из школы кадровых работников.

Листья софоры уже пожелтели. Подул ветер, и несколько листочков упали на голову Куйхуа. Женщины, стоявшие рядом, сдули их с головы девочки. Куйхуа не знала, что упало на ее голову. Поэтому, почувствовав дуновение, она съежилась. Это увидели люди, стоявшие рядом. В их сердцах возникло еще больше любви к этой крохе.

Куйхуа, сидя на каменной мельнице, иногда на миг забывала о людях вокруг. Она думала, что сидит в одиночестве. Девочка вспоминала отца и снова смотрела на поле. Она видела отца, который стоял там. Тогда она щурилась, словно на нее светило солнце.

Люди молчали.

Осеннее солнце поднималось выше и светило все ярче.

Никто из пришедших не выражал желания взять девочку на воспитание.

В большинстве семей деревни Дамайди были дети. Свежий воздух, яркий солнечный свет, свежие морепродукты и высококачественный рис создавали благоприятные условия для здоровья женщин, поэтому они рожали нескольких детей.

– Чжу Гуо в браке уже много лет, но у него еще нет детей. Его семья должна взять эту девочку.

– Кто это тебе сказал? Его жена уже забеременела. Живот у нее сейчас такой большой.

– У кого есть только сын, но нет дочери?

Так жители деревни рассматривали каждую семью. Среди них нашлась одна семья, в которой был только сын. Мальчика звали Гаюй. Его мать уже не сможет больше родить. К тому же эта семья была самой зажиточной в деревне. Они из поколения в поколение выращивали уток. В их доме стояла самая богатая мебель. Но в тот день никто из них не пришел к старой софоре.

Люди посмотрели на семью Цинтуна. В ней был только один мальчик – Цинтун. К тому же он был немым. Но никто и не думал отдать девочку на воспитание в эту семью, так как она была слишком бедной.

Родственники Цинтуна увидели Куйхуа. Как только седая бабушка посмотрела на девочку, сразу полюбила ее. Люди так столпились вокруг девочки, что сложно было устоять на ногах. Но бабушка стояла твердо, опираясь на палочку.

Куйхуа заметила эту пожилую женщину. Она впервые увидела бабушку Цинтуна, но ей показалось, что они уже знакомы. Бабушка смотрела на нее, а она на бабушку. Куйхуа подумала, что волосы бабушки очень красивые. Она никогда не видела таких красивых локонов. Бабушка была вся седая. Когда дул ветер, ее волосы шевелились и сверкали металлическим блеском. Бабушка смотрела на девочку добрым и приветливым взглядом. Малышка будто услышала дрожащий голос: «Не бойся, дитя!» Взгляд этой пожилой женщины притянул Куйхуа.

В какой-то момент бабушка повернулась и ушла. Ей нужно было найти в толпе своего сына, невестку и внука. Казалось, что она хотела что-то им сказать.

Уже наступил полдень. Никто не выражал желание взять на воспитание Куйхуа.

Глава деревни был немного обеспокоен этим. Он ходил из стороны в сторону и приговаривал:

– Такая хорошая девочка!

Позже он узнал, что жители деревни Дамайди переживали, что эта девочка была слишком хорошей. Люди, которые хотели удочерить малышку, смотрели на нее, а потом выходили из толпы и говорили, вздохнув:

– Нет, это счастье не для нас!

Они считали, что недостойны такой хорошей девочки. Деревня Дамайди считалась бедным местом. Здесь все жили в нищете. Всем нравилась эта девочка, но из-за бедности никто не хотел брать ее в семью. Люди боялись, что не смогут обеспечить ей достойное существование.

Женщины, которые сопровождали Куйхуа, с нетерпением ждали, что кто-нибудь выйдет из толпы и заявит о своем желании удочерить девочку. Увидев, что солнце стояло уже над головой, они плакали и говорили:

– Уходим, будем по очереди воспитывать ее. Если кто-то из деревни Дамайди захочет взять ее, мы не отдадим.

Но при этом женщины не уходили. Они еще хотели подождать некоторое время.

Куйхуа еще ниже повесила свою голову.

Глава деревни увидел семью Цинтуна, подошел к ним и сказал:

– Вы хорошие люди. Если девочка пойдет к вам, то это будет самым лучшим вариантом.

Но ваша семья...

Он не стал произносить слово «бедная», а только покачал головой и ушел. Проходя мимо Цинтуна, он с жалостью погладил его по голове.

Отец Цинтуна, который постоянно сидел на корточках, встал и сказал:

– Возвращаемся домой.

Никто из членов этой семьи не сказал ни слова ему в ответ. Бабушка держала в памяти слова главы деревни. Она не обернулась, чтобы снова посмотреть на Куйхуа. Вся семья, кроме Цинтуна, хотела быстрее покинуть это место под старой софорой. Отец видел, что Цинтун не двигается с места. Он подошел к сыну и взял его за руку.

Буйвол, щипавший рядом траву, громко замычал.

Все, кто стоял под старой софорой, замолчал. Они повернули свои головы и увидели, что семья Цинтуна уходит. Эта сцена под лучами полуденного солнца произвела на жителей Дамайди глубокое впечатление: бабушка тихонько шла впереди, за ней следовала мать, а после матери – отец. Отец с силой схватил за руку Цинтуна, который не хотел покидать старую софору. Цинтун шел самым последним и вел за собой буйвола. Буйвол не хотел уходить. Он пирался передним копытом в землю, а тело наклонял назад.

Куйхуа смотрела, как удаляется семья Цинтуна, и слезы капали с ее глаз.

Когда люди начали расходиться, пришла семья Гаюя. Все утро отец Гаюя пас уток.

Семья Гаюя стояла на расстоянии чуть больше трех метров от каменной мельницы. Гаюй время от времени поглядывал на лицо отца. Он думал, что отцу, видимо, понравилась Куйхуа. Сердце Гаюя было наполнено невероятным восторгом. Он улыбался девочке.

Отец Гаюя поднял голову и посмотрел на солнце, а после прошептал что-то сыну на ухо. После этого Гаюй убежал. Вскоре он вернулся. В его руках были два вареных утиных яйца.

Мать указала Гаюю, чтобы тот отдал эти два яйца Куйхуа. Но Гаюю было неловко. Поэтому он отдал эти яйца матери.

Она подошла к Куйхуа, опустила и сказала:

– Дитя мое, уже полдень. Ты, должно быть, проголодалась? Съешь-ка эти два утиных яичка.

Куйхуа не хотела принимать эти яйца. Она убрала руки за спину и отрицательно покачала головой.

Мать Гаюя положила яйца в карманы Куйхуа.

Вся семья Гаюя стояла под старой софорой. Иногда к ним подходили люди, и родители Гаюя шептались с ними в течение некоторого времени. После этого они продолжали стоять и смотреть на Куйхуа. Они постепенно стали приближаться к девочке.

Стоявшие рядом с Куйхуа тетеньки тоже сели на каменную мельницу. Они хотели еще немного подождать.

* * *

Семья Цинтуна вернулась домой. Никто не произнес ни слова.

Мать накрыла стол, но никто не сел за него. Она вздохнула и тоже ушла.

Цинтун неожиданно исчез. Мать вышла из дома и пошла его искать. Она встретила ребенка на дороге и спросила у него:

– Не видел ли ты Цинтуна?

Тот ребенок указал на реку с восточной стороны дома Цинтуна:

– А там разве не он сидит?

Мать Цинтуна обернулась назад и увидела, как сын сидит на бетонной свае посередине реки.

Несколько лет назад здесь планировали построить мост. Когда установили одну бетонную сваю, из-за финансовых проблем строительство моста отменили, но саму сваю не снесли. Ее

оставили в реке. Некоторые птицы часто отдыхали на ней, поэтому на ней было много белых птичьих испражнений.

Цинтун управлял лодкой, чтобы приблизиться к бетонной свае. Потом он, обняв эту сваю, забрался на нее. Он специально не привязал лодку. Когда он залез на самый верх сваи, лодка уже была унесена течением.

Повсюду была вода, и посреди нее торчала одна высокая бетонная свая. Цинтун сидел на ней, словно большая птица.

Мать, увидев сына, вернулась за отцом. Отец сел на причалившую к берегу лодку и поплыл к свае, управляя лодкой при помощи шеста. Он поднял лицо и закричал:

– Спускайся!

Цинтун не двигался.

– Спускайся, – прокричал отец, повысив голос.

Цинтун не смотрел на отца. Он в неподвижной позе сидел на верхушке сваи. Мальчик в оцепенении смотрел на реку.

Вскоре на берегу собралось много людей. Это было как раз обеденное время. Многие из зевак принесли с собой свой обед и держали его в руках.

Вода в реке колебалась. Цинтун отбрасывал тень на водную гладь. Эта тень была словно видение: то становилась большой, то уменьшалась.

Отец разгневался, поднял шест и пригрозил сыну:

– Если ты не спустишься, получишь хорошую трепку!

Цинтун не обращал внимания на отца. Мать кричала сыну с берега:

– Цинтун, спускайся!

Отец снова и снова кричал мальчику и просил его спуститься, но Цинтун продолжал сидеть на свае. Тогда отец рассердился и толкнул его зад шестом, чтобы столкнуть мальчика в реку.

Цинтун заранее к этому приготовился. Он крепко держался обеими руками и ногами за бетонную сваю. Он будто врос в нее.

Кто-то с берега кричал:

– Да уж! Это еще уметь надо, чтобы так сидеть на свае. Если он может сидеть наверху так долго, это уже хорошо.

– Пусть и помирает там! – в сердцах сказал отец.

Отцу ничего не оставалось, как причалить лодку к берегу, с трудом переводя дыхание, выбраться на сушу и отвести буйвола на пахотные работы в поле.

Люди стали расходиться и покидать берег реки.

– Ну и сиди там наверху! Вот и не спускайся оттуда всю жизнь! – сказала мать.

После этого она перестала обращать на него внимание и вернулась домой.

Цинтун подумал, что вокруг стало очень тихо. Он сидел на свае, свесив обе ноги и увереншись подбородком на руки. Дул ветер. Он непрерывно трепал его волосы и одежду.

Вернувшись домой, мать думала о сыне, который сидел на бетонной свае, и убиралась в комнате. Потом она остановилась. Она внезапно поняла, что ее действия были немного странными. Зачем нужно убираться на маленькой кровати? Зачем снимать москитную сетку над кроватью Цинтуна и складывать ее в таз? Зачем доставать чистое одеяло из шкафа? Зачем доставать подушку?... Она сидела на краю кровати, которую только что прибрала. Ее сердце было наполнено сомнением.

В это время в поле отец Цинтуна ругал буйвола, который обычно был послушным. Но сегодня он упрямылся. Отец разрешал буйволу двигаться, но животное очень медленно шло и тайком поедало чужие посева. Дойдя до ряда, буйвол сбрасывал хомут, который отец только что надел на него. Отец несколько раз замахивался плеткой, чтобы побить животное. Буй-

вол высоко поднимал голову и мычал. После этого животное фыркало, выпуская воздух через ноздри.

Наконец-то хомут был надет на буйвола. Отец как раз собирался последовать за плугом, но буйвол внезапно побежал вперед. Плуг волочился следом. Отцу с трудом удалось догнать буйвола. Он действительно сильно рассердился, замахнулся плетью и отстегал животное по голове. Отец очень редко бил буйвола плетью. Животное не сопротивлялось и не издавало звуков, а просто опустило голову. Мужчина тут же раскаялся в содеянном. Он встал впереди буйвола, чтобы посмотреть на него. Казалось, что глаза животного были наполнены слезами. Отцу стало тяжело на сердце. Он сказал буйволу:

– Не надо винить меня. Ведь это ты был непослушным.

Он больше не заставлял животное работать, а снял с него хомут и обмотал поводья вокруг его рогов. Отец будто сказал этим животному: «Иди куда хочешь».

Но буйвол стоял на месте. Отец сел на обочину рисового поля и закурил.

После собрания у старой софоры бабушка, оперевшись на палочку, стояла у ограды перед входом и смотрела на дерево.

Когда мать Цинтуна вернулась к реке просить сына спуститься с бетонной сваи, бабушка тоже пришла вместе с ней. Посмотрев на внука, она не сразу стала просить его спуститься. В этой семье бабушка больше всех беспокоилась о внуке. Она же и больше всех понимала Цинтуна.

Отец и мать каждый день должны были работать в поле, поэтому в основном он воспитывался бабушкой. До пяти лет мальчик спал вместе с бабушкой – у нее в ногах. Когда бабушка наталкивалась ногами на теплое и мягкое тело своего маленького внука, ее сердце наполнялось неописуемым чувством счастья. Когда зимними вечерами на улице свирепствовал холодный ветер, для бабушки ее спящий в ногах внук был словно тазик с горячим углем. Жители Дамайди видели, что куда бы ни пошла бабушка, она всегда брала с собой внука. Они также замечали, что они постоянно ведут нескончаемые беседы. Цинтун использовал взгляд и жесты, а бабушка всегда принимала их сердцем и понимала их смысл. Между ними никогда не возникало преград. Даже когда они говорили на сложные темы, бабушка без малейших усилий понимала своего внука. Во внутренний мир Цинтуна доступ был только у одного человека. И это была его бабушка. К тому же ей очень нравилось находиться в его удивительном мире.

Бабушка, глядя на внука, который высоко сидел на бетонной свае, сказала ему:

– Ну что ты там все сидишь? Если тебе хочется поговорить, то разговаривай с отцом. Он – глава семьи. Если ты не говоришь, а сидишь там наверху, то так и просидишь зря всю жизнь... Тебе хорошо все нужно обдумать. После того, как девочка придет в нашу семью, тебе уже нельзя будет веселиться и играть, тебе нужно будет зарабатывать деньги... Ты все еще не спускаешься? Если не спустишься, то ее другая семья заберет к себе... К ней нужно будет хорошо относиться и не обижать ее... Если ты ее обидишь, то тебе пощады не будет. Я вижу, что твоему отцу нравится эта девочка. Он только беспокоится, что наша семья слишком бедная... Спускайся, спускайся.

Бабушка шаткой походкой подошла к воде и подтолкнула шестом лодку к бетонной свае.

Когда Цинтун услышал слова бабушки и увидел приближавшуюся лодку, то мальчик, обхватив сваю, соскользнул в лодку.

По неизвестной причине отец привел буйвола обратно. Отец хотел, чтобы буйвол вспахал поле. Он пахал в течение некоторого времени, но потом остановился, снял с животного хомут и привел буйвола обратно домой.

– Почему ты так быстро вернулся? – спросила мать.

Отец не проронил ни слова.

Цинтун встал перед отцом и с помощью взгляда и жестов, которые были понятны только его близким людям, поспешно сказал отцу:

«Куйхуа – хорошая девочка, очень хорошая девочка. Давай ее возьмем в нашу семью. Я буду хорошо работать, обязательно буду хорошо работать! На новый год мне не нужна новая одежда. Я больше не буду просить мяса. Мне нравится, что она станет моей младшей сестрой».

Глаза мальчика наполнились слезами.

Глаза матери и бабушки тоже наполнились слезами.

Отец, схватившись за голову, сел на корточки.

– Наша семья бедная, но я не верю, что мы не сможем воспитать эту девочку. Каждый из нас будет в чем-то себе отказывать. Так мы сможем ее вырастить. У меня как раз нет внуки! – сказала бабушка.

Цинтун, потянув бабушку за руку, направился к старой софоре.

Отцу следовало остановить их, но он только вздохнул им вслед.

Мать пошла за ними, и вскоре отец тоже последовал за семьей.

Буйвол побежал вперед и возглавил шествие.

Когда они шли по улицам деревни, то люди спрашивали, куда направляется вся их семья.

Они не отвечали, а шли к старой софоре.

* * *

Солнце уже садилось на западе.

Толпа возле старой софоры поредела, но женщины из школы кадровых работников так и сидели вместе с девочкой на каменной мельнице. Семья Гаюя была уже довольно близка с девочкой. Мать Гаюя даже сидела на каменной мельнице, ее рука лежала на плече Куйхуа, а лицо было повернуто так, словно она разговаривает с девочкой.

Сложившаяся ситуация должна была скоро проясниться.

Лицо главы деревни выражало одновременно беспокойство и радость.

Отец Гаюя сел на корточки и начал рисовать на земле тонкой веткой дерева, словно планируя что-то. В это время он думал: «Сколько должны нести утки в год яиц, если в моей семье появится Куйхуа?» Он уже долго проводил расчеты, но так и не смог определить точную цифру.

Гаюю, его матери, главе деревни и всем остальным присутствующим уже давно надоело считать яйца, а отец Гаюя все продолжал это делать. Он иногда останавливался, поднимал голову и смотрел на Куйхуа. Ему действительно нравилась эта девочка. Когда он снова начинал считать, то прищуривал глаза.

В этот момент подошла семья Цинтуна.

– Почему вы опять пришли? – спросил глава деревни.

– Кто-то уже забрал на воспитание этого ребенка? – спросил отец Цинтуна.

– Еще не вынесено окончательное решение, – сказали женщина и глава деревни, сидящие рядом с Куйхуа.

– Хорошо, – вздохнул отец Цинтуна.

Отец Гаюя, сидевший на корточках, все это слышал, но оставался равнодушным. Он не мог даже и подумать о том, что семья Цинтуна возьмет на воспитание эту девочку. Как они обеспечат ей достойное существование? Ни у кого из жителей деревни Дамайди не было сил и финансовых возможностей, чтобы соревноваться с отцом Гаюя. Он даже не смотрел на семью Цинтуна.

Гаюй бросил косой взгляд на Цинтуна, думая о том, что ситуация принимает плохой оборот. Мальчик тут же передней частью стопы ударил отца по ягодицам.

Мать Гаюя почувствовала, что наступил критический момент, и, повернувшись лицом к мужу, сказала:

– Быстрее говори свое решение.

– Мы берем эту девочку! – опередил отец Цинтуна.

– Ваша семья берет ее на воспитание? – спросил отец Гаюя, поднимая голову и глядя на отца Цинтуна.

– Наша семья берет ее! – подтвердил отец.

– Наша семья берет ее! – повторила мать.

– Наша семья берет ее! – стукнув тростью, подытожила бабушка.

Буйвол поднял голову к небу и промычал, произведя сильное впечатление на всех присутствующих. От громкого звука на землю посыпались листья.

– Ваша семья берет ее на воспитание? – вставая, переспросил отец Гаюя. Он презрительно фыркнул и продолжил:

– Извините, вы уже опоздали. Мы берем девочку на воспитание в свою семью.

– Глава деревни только что сказал, что еще до конца не определено, какая семья будет ее воспитывать. Наша семья не опоздала. Мы первые решили взять ее на воспитание, – сказал отец Цинтуна.

– Никто не может забрать эту девочку! – возразил отец Гаюя. – Вы будете ее воспитывать? Вы сможете обеспечить ей достойное существование?

– Да, наша семья бедная. Но даже если нам придется продать дом, то все равно мы хотим ее воспитывать! В любом случае мы заберем ее! – сказала бабушка и вышла вперед.

Бабушка Цинтуна была самым уважаемым пожилым человеком в деревне Дамайди. Как только глава деревни увидел, что она сердится, то поспешил подойти к ней и взять ее под руку.

– Не нужно сердиться. Обо всем можно договориться, – заверил бабушку глава деревни. Затем, указывая на отца Гаюя, сказал: – А ты еще считаешь? Считай! Сколько должны утки снести яиц?

Каждая семья настаивала на своем. Отец Гаюя сначала сомневался в своем решении, но теперь он хотел стать победителем в споре. Через некоторое время обе семьи начали громко ругаться. Многие люди, услышав их спор, поспешили к ним и окружили их со всех сторон.

Глава деревни сам не знал, как поступить в этой ситуации.

В этот момент у одного из присутствующих появилась идея.

– Раз уж все так, то пусть решает сам ребенок, – сказал этот человек.

Все решили, что это хорошая идея.

– Ты согласен с этим? – спросил глава деревни у отца Гаюя.

– Согласен, – ответил он.

Отец Гаюя считал, что в таком случае преимущество остается на его стороне. Он, указывая рукой на западный конец деревни, где располагался единственный дом с черепичной крышей, сказал девочке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.